

ЯСУНАРИ КАБАБАТА

ОЗЕРО

Гимпэй Момои приехал в Каруидзава в конце лета, но там уже явственно чувствовалось дыхание осени. Он купил фланелевые брюки и сразу натянул их на себя взамен старых. Затем он приобрел новый свитер и рубашку, а также синий плащ, поскольку к вечеру становилось прохладно и сыро. Оказывается, в Каруидзава можно приобрести вполне приличные вещи. Еще он купил удобные башмаки, а свои оставил в обувной лавке. Завязав в фуросики старые вещи, он принялся размышлять, как от них избавиться. А не спрятать ли в одной из опустевших дач? Там на них не наткнутся до будущего лета. Он свернул в переулок и попытался открыть окно пустого дома, но деревянные ставни были накрепко приколочены. Взламывать опасно. Подумают: вор!

Он сунул узел со старой одеждой в мусорный ящик у черного хода и вздохнул с облегчением. Когда он надавил на узел, стараясь затолкать его поглубже, в ящике зашуршала бумага. Дачники-то перед отъездом не удосужились, а сторож поленился освободить ящик от мусора, и теперь, когда Гимпэй затолкал туда свой узел, крышка не закрылась плотно. Но это его уже не тревожило.

Пройдя шагов тридцать, он оглянулся. И тут ему показалось, будто с той стороны, где стоял мусорный ящик, поднялся в тумане целый сонм серебристых мотыльков. Он замер и хотел было уже вернуться обратно, когда это серебристое видение промелькнуло у него над головой и исчезло, на мгновенье осветив легким голубым сиянием лиственничную аллею, в конце которой виднелась арка, украшенная декоративными фонариками, — вход в турецкую баню.

Приблизившись к арке, Гимпэй коснулся рукой волос. Обычно он сам подстригал волосы безопасной бритвой, удивляя окружающих своим умением.

Его встретила у входа и проводила внутрь банщица. Кто-то ему потом рассказал, что клиенты прозвали ее «мисс турецкая баня». Закрыв дверь изнутри, она сняла белый жакет и осталась в лифчике.

Когда банщица начала расстегивать пуговицы на его плаще, он невольно отшатнулся, но потом успокоился и предоставил ей заниматься своим делом. Она опустила на колени, разула его и даже сняла носки.

Гимпэй погрузился в ванну, наполненную ароматной водой. Вода казалась зеленой из-за плиток, которыми была выложена ванна. Парфюмерный запах, исходивший от воды, был не слишком приятен, но Гимпэю, который вот уже столько дней бродяжничал по Синано, то и дело перебираясь из одной дешевой гостиницы в другую, показалось, будто вода пахнет цветами.

Гимпэй принял ванну, и банщица тщательно обмыла его. Затем она присела на корточки у него в ногах и протерла каждый его палец. Гимпэй глядел на ее голову. Волосы у нее были пострижены чуть пониже шеи, на старинный манер, и свободно свисали, как это бывает после мытья головы.

— Не желаете ли помыть голову?

— Что?! Ты даже и это делаешь?

— Да.

Гимпэй с испугом подумал, какой, должно быть, неприятный запах исходит от его давно не мытых волос, но, поборов стеснение, уперся локтями в колени и вытянул шею. Пока она тщательно намыливала ему голову, он окончательно освоился.

— У тебя очень приятный голос, — сказал Гимпэй.

— Голос?..

— Да. Я слышу его и после того, как ты умолкаешь. Хочется, чтобы он звучал вечно. Такой ласковый и нежный, он будто проникает в самые глубины мозга. Твой голос способен смягчить сердце закоренелого преступника...

— Неужели? По-моему, противный, слащавый голос.

— Вовсе не слащавый, а невыразимо сладостный... В нем чувствуется грусть... и ласка. Он приятный и ясный. И не такой, как у певиц. Ты влюблена?

— Рада бы, но, к сожалению, нет...

— Послушай, не три так усердно мою голову, когда говоришь. Я перестану тебя слышать. Ее пальцы замерли.

— Лучше я помолчу — вы меня смущаете, — пробормотала она в замешательстве.

— Есть же на свете женщины с таким ангельским голоском! Даже по телефону слушал бы его до бесконечности.

Еще немного — и у Гимпэя выступили бы на глазах слезы умиления. Голос девушки доставлял ему ничем не замутненную радость и успокоение. Такой голос мог принадлежать неземной женщине или милосердной матери.

— Откуда ты родом?

Девушка промолчала.

— Ты родилась на небесах?

— Простите, задумалась... Я из Ниигата.

— Из города Ниигата?

— Нет, из маленького городишка с таким же названием.

— А-а, снежная страна... Вот, оказывается, почему ты такая красивая.

— Вовсе не красивая.

— Нет, ты красива, а такого чудесного голоса, как у тебя, я еще не слышал.

Банщица окатила его несколькими бадейками горячей воды, накинула на голову полотенце, тщательно вытерла волосы и расчесала их гребнем.

Настал черед паровой бани. Гимпэй обернул бедра большим полотенцем, и девушка подвела его к деревянному прямоугольному ящику, отодвинула переднюю дверцу, буквально втиснула его туда и поставила дверцу на место. Затем опустила верхнюю крышку, в которой было вырезано круглое отверстие, чтобы голова оставалась снаружи.

— Да это же настоящая гильотина! — воскликнул Гимпэй. Он повернул шею влево, вправо, с опаской глядя перед собой широко открытыми глазами.

— Многие клиенты так говорят, — равнодушно ответила девушка.

Гимпэй покосился на входную дверь, потом перевел взгляд на окно.

— Может быть, закрыть? — предложила она.

— Не надо.

Наверно, окошко не закрывали, чтобы в помещении не скапливался пар. Электрическая лампочка отбрасывала свет на вяз, росший за окном. Вяз был огромный, и свет не проникал в глубь листвы. Гимпэю почудилось, будто оттуда, из зеленой тьмы, доносятся тихие звуки рояля — отдельные звуки, не соединявшиеся в мелодию.

— Там сад? — спросил он.

— Да.

Полураздетая белокожая девушка на фоне окна, за которым виднелась тускло светившаяся зелень листвы, показалась Гимпэю видением из иного мира. Она стояла босиком на полу, выстланном бледно-розовыми кафельными плитками. Ноги у нее были молодые,

упругие, в ямках позади колен затаились тени.

Гимпэй подумал, что просто не выдержал бы, останься здесь один; в паническом страхе он представил, как отверстие вокруг шеи сужается и душит его. Из-под стула, на котором он сидел, поднимался жар. Жарко становилось и сзади — словно к спине прислонили горячую доску.

— Долго ли мне здесь сидеть? — спросил он.

— Сколько хотите... Пожалуй, минут десять. Постоянные посетители проводят в паровой бане по пятнадцать минут и даже больше.

Он поглядел на небольшие часы, стоявшие на бельевом шкафчике у входа. Прошло только минуты четыре, может, пять. Девушка намочила в холодной воде полотенце, отжала его и приложила ко лбу Гимпэя.

— Ну и пекло — даже голова закружилась.

Холодное полотенце принесло облегчение, и Гимпэй настолько пришел в себя, что смог даже представить, как комично выглядит его голова, торчащая из деревянного ящика. Он провел руками по груди и животу. Они были липкие и влажные — то ли от выступившего пота, то ли от пара. Он закрыл глаза.

Послышался плеск воды. Девушка выпустила из ванны ароматную воду и мыла пол. Этот звук напомнил ему волны, разбивающиеся о скалу. На скале сидели две чайки. Хлопая крыльями, они тянулись друг к другу клювами. Он увидел море близ родной деревни.

— Сколько прошло времени?

— Семь минут.

Девушка сменила полотенце. Гимпэй опять ощутил приятную прохладу. Забывшись, он подался головой вперед и тут же вскрикнул от боли.

— Что с вами?

Девушка решила, что от жары у Гимпэя закружилась голова. Она подобрала упавшее полотенце, приложила к его лбу, придерживая рукой.

— Хотите выйти?

— Нет, все в порядке.

Теперь Гимпэю представилось, что он идет за этой девушкой с приятным голосом по одной из токийских улиц, где ходит трамвай. На мгновение он даже увидел аллею гинкго, которые зеленым шатром сходились над тротуаром.

Он болезненно поморщился, понимая, что ему не сдвинуться с места, пока шея зажата в узком отверстии деревянного ящика.

Девушка отошла в сторону. Должно быть, выражение его лица внушало ей беспокойство.

— Сколько бы ты дала мне лет — сейчас, когда видишь только мою торчащую из ящика голову? — спросил он.

— Я не очень разбираюсь в возрасте мужчин, — нерешительно ответила она.

Она даже не поглядела на него. Гимпэй не нашелся, как сказать ей, что ему тридцать четыре. Девушке нет и двадцати, и она наверняка девственница, решил он. Щеки у нее были свежие, розовые и лишь слегка тронуты румянами.

— Пожалуй, хватит, — тоскливо произнес Гимпэй.

Девушка отодвинула дверцу и, ухватившись за концы полотенца, которое было обернуто вокруг его шеи, осторожно, словно некий драгоценный предмет, потянула на себя его голову. Затем накрыла белой простыней топчан и стены и уложила на него Гимпэя ничком. Массаж она начала с плеч.

До сих пор Гимпэю было неизвестно, что при массаже не только мнут и растирают тело, но еще и хлопают по нему открытыми ладонями. Ладони у банщицы были маленькие, почти детские, но шлепки оказались на удивление сильными, резкими. При каждом ударе Гимпэй со свистом выдыхал воздух. Он вспомнил своего ребенка, как тот, когда Гимпэй склонялся к нему, изо всей силы колотил его круглыми ладошками по лицу и по голове. Когда же его впервые посетило это видение?.. Теперь малютка колотит своими ручонками о земляные стенки могилы... Словно черные стены тюрьмы сомкнулись вокруг Гимпэя. Холодный пот

выступил на лбу...

Ты присыпаешь пудрой? — спросил он.

Да... Вам плохо?

Нет-нет! — поспешно ответил он. — Кажется, я снова вспотел... Было бы настоящим преступлением чувствовать себя плохо, когда слышишь твой голос.

Девушка неожиданно прекратила массаж.

— Ты можешь не поверить, но, когда я прислушиваюсь к твоему голосу, все остальное для меня перестает существовать. Голос невозможно настигнуть, его нельзя схватить. Он — как бесконечное течение времени, как река жизни. Нет, пожалуй, не то. Ведь голос может зазвучать в любой момент, стоит только пожелать, но, если ты молчишь, как сейчас, никто не в силах принудить тебя говорить. Конечно, внезапное удивление, гнев или страдание могут заставить тебя говорить, а так ты вполне свободна распоряжаться своим голосом — сказать что-нибудь или промолчать.

Воспользовавшись этой «свободой», девушка молча массирует ему поясницу, потом занялась ногами и даже размяла ступни, каждый палец.

— Теперь перевернитесь на спину, — едва слышно сказала она.

— Что?

— Ложитесь лицом кверху, пожалуйста.

— Кверху лицом?! — Придерживая полотенце, обернутое вокруг бедер, Гимпэй осторожно перевернулся и лег на спину. Ароматом цветов повеяло на него от дрожащего шепота девушки. Никогда прежде он не испытывал столь пьянящего блаженства.

Она вплотную придвинулась к узкому топчану и начала массировать ему руки. Ее груди оказались прямо перед лицом Гимпэя. Хотя лифчик был завязан не столь туго, полоска кожи вдоль его края слегка вздулась. Лицо овальной формы, близкой к классической; лоб не слишком высокий, но откинутые назад прямые волосы делали его выше, а глаза — и так-то большие и широко раскрытые — еще большими; линия от шеи к плечам пока не обрела женственной плавности, а запястья были по-девичьи пухлыми. Ее матово блестящая кожа оказалась так близко от его лица, что Гимпэй невольно зажмурился. И тут же сноп искр рассыпался перед ним. Они сверкали, как множество серебряных гвоздиков в деревянном плотницком ящике. Тогда он открыл глаза и стал глядеть на потолок. Потолок был выкрашен в белый цвет.

— Наверно, я кажусь тебе старше, чем на самом деле, — пробормотал Гимпэй. — Это потому, что у меня была нелегкая жизнь. Мне тридцать четыре, — признался он ей наконец.

— Правда? Вы выглядите моложе, — равнодушно проговорила девушка.

Она встала у изголовья топчана и массировала ближнюю к стене руку.

— Пальцы на ногах у меня длинные, как у обезьяны. Они вялые и скрюченные, хотя мне много приходится ходить... Всякий раз, когда гляжу на них, чувствую омерзение. А ты касалась их своими прекрасными руками... Неужели ты не испытала отвращения, когда снимала с моих ног носки?

Девушка промолчала.

— Я родился на берегу Японского моря. Там множество черных скал. Я взбирался на них босиком, цепляясь за выступы своими длинными обезьяньими пальцами.

Он подумал о том, как часто приходилось ему в молодости лгать. И все из-за его безобразных ног. Кожа на подошвах была темная, толстая и морщинистая, а кривые пальцы торчали в разные стороны, словно погнутые зубцы у гребня.

Он лежал на спине и не мог видеть свои ноги. Тогда он приблизил к лицу руки и стал их разглядывать. Обыкновенные руки, вовсе не такие безобразные, как ноги...

— Вы сказали, что родились на побережье Японского моря? В каком месте? — без особого любопытства спросила девушка. Сейчас она массирует ему грудь.

— В каком месте?... Знаешь, я не люблю рассказывать о своей родине. В отличие от тебя я потерял ее навсегда...

Девушку вовсе не интересовала родина Гимпэя, и она мало прислушивалась к тому, что

он говорил.

Что за странное здесь освещение? Ему казалось, что банщица не отбрасывает тени. Когда она массировала ему живот, ее груди оказались так близко от него, что он зажмурился и не знал, куда девать руки. Вытянуть их вдоль туловища? Но тогда он невольно коснется ее — и не миновать пощечины... Его на самом деле ударили по лицу. В испуге Гимпэй пытался открыть глаза, но веки не повиновались. Должно быть, им тоже досталось при ударе. Кажется, он заплакал, хотя слез не было. Глаза страшно болели, словно их кололи горячими иглами.

По лицу его ударила не ладонь банщицы, а голубая кожаная сумка. Ощувив удар, он не сразу догадался, что это было. Потом он увидел, как сумка упала к его ногам. Но и тогда он все еще не мог понять, нарочно ли его ударили ею, или это произошло случайно. Ясно было одно: сумка попала ему в лицо, и он вскрикнул от боли.

— Эй, эй!.. — попытался он остановить женщину. Его первой реакцией было сказать ей, что она уронила сумку. Но женщина повернула у аптеки за угол и исчезла. Лишь голубая сумка лежала посреди улицы, неопровержимо свидетельствуя о преступлении. Сумка была полураскрыта — из нее торчала пачка тысячеиеновых купюр. Правда, Гимпэй вначале их не заметил — его прежде всего обеспокоила сама сумка как вещественное доказательство. Поскольку женщина бросила сумку и убежала, его действия в самом деле могли быть восприняты как преступные. Страх заставил Гимпэя поспешно подобрать сумку, и лишь тогда он с удивлением обнаружил торчащие из нее купюры.

Не была ли эта аптека порождением его фантазии? — думал он впоследствии. Странно, что в этом квартале фешенебельных особняков, где вообще нет ни лавок, ни магазинов, одиноко притулилось на углу старенькое неказистое здание аптеки. Но зачем сомневаться: рядом со стеклянной входной дверью к стене был прислонен щит с рекламой какого-то средства от глистов. Он удивился еще больше, когда заметил на перекрестке, между улицей, где ходил трамвай, и кварталом особняков, две совершенно одинаковые фруктовые лавки — в каждой из них были выставлены деревянные ящики с вишнями и клубникой. Пока Гимпэй шел за женщиной, он ничего, кроме нее, не видел. Почему же он вдруг обратил внимание на эти фруктовые лавки? Может, хотел запомнить место, где она повернула за угол, направляясь к своему дому? Фруктовая лавка существовала на самом деле — у него и сейчас перед глазами клубника, аккуратно выложенная в деревянных ящичках, ягодка к ягодке. Не исключено, что на перекрестке была одна фруктовая лавка и лишь расстроенное воображение превратило ее в две. Позднее он не раз боролся с искушением пойти туда и проверить, существуют ли аптека и фруктовые лавки? Честно говоря, он не мог в точности припомнить даже саму улицу, хотя примерно определил ее расположение, нарисовав по памяти план этой части Токио. Однако в тот момент его занимало иное: куда делась женщина?

— Да, наверное, она сначала не собиралась кинуть сумку, — пробормотал Гимпэй и испуганно открыл глаза. Но тут же поспешил снова зажмуриться, пока девушка, массирующая ему живот, не заметила его округлившихся в страхе глаз. К счастью, он не назвал ни предмет, то есть сумочку, ни имя женщины, которая ее бросила. Он ощутил, как судорожно сжались и начали дергаться мышцы живота.

— Щекотно... — сказал в оправдание Гимпэй, и девушка стала массировать мягче. Но теперь ему и в самом деле стало щекотно, и он даже вполне натурально захихикал.

Гимпэй считал, что та женщина — неважно, ударила ли она его сумкой или просто швырнула ею в него — подозревала, будто он преследует ее, чтобы завладеть деньгами, и потому, бросив сумку, в паническом страхе убежала. Не исключено также, что она не собиралась бросать сумку, а хотела лишь, воспользовавшись ею, остановить Гимпэя, но не рассчитала силы и выпустила ее из рук. Они, по-видимому, были совсем недалеко друг от друга, если женщина, размахнувшись, достала сумкой до его лица. Наверно, оказавшись в малолюдном квартале особняков, Гимпэй непроизвольно ускорил шаги и приблизился к женщине. А та заметила это, испугалась и, кинув в него сумку, убежала.

Гимпэй вовсе не собирался ее грабить. Он даже не предполагал, что у нее в сумке были такие деньги. Но когда он поднял сумку, чтобы скрыть вещественное доказательство

преступления, то обнаружил там двести тысяч иен — две пачки новеньких купюр по сто тысяч в каждой. В сумке была и сберегательная книжка — по-видимому, женщина возвращалась из банка и решила, что Гимпэй видел, как она снимала деньги со счета, и следует за ней от самого банка. Помимо двух пачек с купюрами он обнаружил в сумке еще тысячу шестьсот иен. Он полистал сберкнижку, отметив про себя, что на счете осталось двадцать семь тысяч. Значит, она забрала из банка почти все свои деньги.

Из той же сберкнижки Гимпэй узнал, что ее владелицу зовут Мияко Мидзуки. Если Гимпэя не интересовали деньги и он шел за женщиной, увлекаемый ее красотой, он должен был вернуть их, как и сберегательную книжку. Но он, очевидно, не собирался этого делать. Подобно тому, как он преследовал женщину, эти деньги, словно живое существо, обладающее или не обладающее разумом, теперь преследовали его. Гимпэй впервые украл деньги. Пожалуй, не столько украл, сколько деньги сами не желали оставить его в покое.

Когда он подобрал сумку, у него и в мыслях не было их присвоить. Он думал лишь о том, что эта сумка — доказательство его преступления, и, спрятав ее под пиджак, чуть не бегом направился к улице, где ходил трамвай. Жаль, что еще не осень, когда он мог бы незаметно пронести сумку под плащом. Он заскочил в ближайший магазин, купил фуросики и завернул в него сумку.

Вернувшись домой, он сжег в печурке сберегательную книжку Мияко Мидзуки, а также носовой платок и другие мелкие вещицы, обнаруженные им в сумке. Переписать со сберкнижки адрес ее владелицы он не догадался и теперь не знал, как найти эту женщину. Правда, он уже и не собирался возвращать ей деньги.

Пока он сжигал сберегательную книжку, носовой платок и гребень, по комнате распространился неприятный запах. Гимпэй представил, какая же будет, вонь, когда он бросит в печурку кожаную сумку. Он разрезал ее на мелкие куски и понемногу сжигал их в течение нескольких дней. Оставшиеся металлические предметы — застежку, пудреницу, а также тюбик с помадой — он ночью выбросил в сточную канаву. Даже если их найдут, навряд ли они у кого-нибудь вызовут подозрение. Руки Гимпэя дрожали, когда он выдавливал из тюбика остатки помады.

В последующие дни он внимательно слушал радио и просматривал газеты, но нигде не сообщалось ни об ограблении, ни о потере кожаной сумки с двумястами тысячами иен и сберкнижкой.

— Так, — ни к кому не обращаясь, пробормотал Гимпэй. — Значит, она не сообщила о пропаже — что-то мешало ей это сделать.

От этой мысли темные глубины его души внезапно осветились таинственным светом. Должно быть, он шел тогда за этой женщиной, поскольку некие чары, таившиеся в ней, звали его. Возможно, оба они принадлежат к одному и тому же миру, где обитают духи зла. Прежний опыт подсказывал это Гимпэю. Мысль о том, что они одного племени, внушила ему радость, и он теперь горько сожалел, что не записал адрес Мияко.

Мияко, вне всякого сомнения, испугалась, заметив преследовавшего ее Гимпэя, но в то же время ее душа затрепетала от радости, хотя сама она не понимала почему. Человек испытывает наслаждение, когда присутствует объект наслаждения. Гимпэй избрал таким объектом именно Мияко, хотя в этот час по улицам прогуливалось немало других красивых женщин. Может, он действовал подобно наркоману, узревшему себе подобного?..

Так было и с Хисако Тамаки — первой женщиной, которую он преследовал. Собственно, она была совсем еще девочка — моложе этой банщицы с приятным голоском — и училась в колледже, где преподавал Гимпэй. Когда об их отношениях стало известно, его из колледжа выгнали.

Гимпэй шел за Хисако до самого ее дома и остановился, потрясенный великолепием выстроенного в европейском стиле особняка и ворот с ажурной железной решеткой.

Ворота были полуоткрыты, и Хисако, войдя во двор, обернулась и сквозь решетку увидела Гимпэя.

— Как, это вы, господин учитель? — удивилась она.

Ее бледные щеки зарделись. Покраснел и Гимпэй.

— А это, значит, ваш дом, мисс Тамаки? — охрипшим голосом произнес он.

— Господин учитель, почему вы здесь оказались? Хотите зайти?

Но как мог Гимпэй объяснить, зачем он скрытно следовал за своей ученицей? Он поглядел сквозь решетку на особняк, словно любясь им, и сказал:

— Просто чудо, что сохранился такой замечательный дом — не сгорел во время войны.

— Наш дом как раз сгорел, а этот мы купили уже после войны.

— После войны?.. А чем, собственно, занимается ваш отец, мисс Тамаки?

— Господин учитель, вы к нам по делу? — Хисако сердито уставилась на Гимпэя сквозь решетку ворот.

— Понимаете ли, у меня на ногах экзема... Я слышал, у вашего отца есть хорошее лекарство от экземы, — пробормотал Гимпэй, одновременно думая о том, с какой стати он заговорил об этой болезни, стоя перед воротами богатого особняка. Его лицо болезненно искривилось, и на глазах вот-вот готовы были выступить слезы.

— Вы говорите, от экземы? — холодно переспросила Хисако. Ее взгляд несколько не смягчился.

— Да, лекарство от экземы. Я слышал, как вы рассказывали о нем вашей школьной подруге. — По ее глазам он видел, что Хисако пытается вспомнить, кому она говорила об этом. — Так болит, что вашему учителю трудно ходить. Узнайте у отца название лекарства, а я здесь подожду.

Удостоверившись, что Хисако скрылась за дверью особняка, Гимпэй поспешно ретировался. Он бежал так, словно его подгоняли собственные безобразные ноги.

Навряд ли Хисако пожалуется родителям или школьному начальству, что он специально шел за ней по пятам, думал Гимпэй, и все же в ту ночь у него страшно разболелась голова, потом стали дергаться веки, и он никак не мог уснуть. Временами он забывался тревожным сном и сразу же просыпался в холодном, липком поту. Ему казалось, будто какие-то ядовитые вещества скапливались в затылке, потом поднимались к макушке и вызывали адскую головную боль.

Голова у него разболелась еще раньше, когда, убегая от дома Хисако, он оказался в квартале увеселительных заведений. Не в силах вынести эту боль, он обхватил голову руками и опустился на землю прямо посреди улицы, не обращая внимания на празднующую публику. В мозгу будто все время звенел колокольчик, каким извещают о крупном выигрыше в лотерею. И еще так звонит колокол мчащейся пожарной машины.

— Что с тобой? — услышал он и одновременно почувствовал, как его легонько ткнули коленкой в плечо.

Он обернулся и поднял глаза. Позади него стояла уличная женщина — должно быть, из тех, какие во множестве появились в «веселых» кварталах после войны. Чтобы не привлекать внимания прохожих, Гимпэй, преодолевая боль, с трудом добрался до тротуара и опять сел, прислонившись лбом к стеклянной витрине цветочного магазина.

— Ты шла за мной, что ли? — спросил он у женщины.

— Не то чтобы за тобой, но...

— Но ведь не я за тобой...

— Да, это так, но...

Ответ женщины прозвучал уклончиво. Собственно, она не утверждала, будто пошла за ним, хотя и не отрицала этого. Если воспринять ее ответ утвердительно, что-то за этим должно было последовать. Но женщина молчала, и Гимпэй, не выдержав, заговорил первым:

— Если не я шел за тобой, значит, пошла за мной ты. Разве не так?

— Думай как знаешь. Мне-то что...

Фигура женщины отражалась в витрине. Казалось, будто она стоит посреди цветов за стеклом.

— Что же ты? Вставай поскорее — люди оглядываются. Случилось что-нибудь?

— Экзема у меня. — Гимпэй сам удивился, отчего он вдруг произнес эти слова. — Так

болят ноги, что не могу шагу ступить.

— Дурачок! Я знаю поблизости один приятный дом, где ты мог бы спокойно отдохнуть. А пока сними ботинки и носки — тебе сразу полегчает.

— Не хочу, чтобы кто-то увидел мои ноги.

— А я и не собираюсь на них глядеть, на ноги-то!

— Учти, ты можешь заразиться.

— Не заражусь. — Женщина просунула руки ему под мышки и приподняла его: — Ну вставай же!

Прижимая левую руку ко лбу, Гимпэй глядел на отражение женщины в витрине. Внезапно он заметил там еще одно женское лицо. По-видимому, это была владелица цветочной лавки. Гимпэй оперся ладонью правой руки о стекло, словно хотел схватить букет белых георгинов за витриной, и с трудом встал на ноги. Хозяйка цветочной лавки, нахмутив тонкие бровки, наблюдала за ним. Опасаясь разбить ненароком эту большую витрину и раскраснеть руки, Гимпэй отшатнулся от нее и всей тяжестью оперся о женщину. Она едва удержала равновесие.

— Не вздумай удрать! — предупредила она и ткнула его рукой в грудь.

Гимпэй вскрикнул от боли. Он не мог понять, каким образом попал сюда, в этот «веселый» квартал, после того как убежал от Хисако. В тот самый момент, когда женщина ткнула его в грудь, он ощутил внезапное облегчение. В голове прояснилось. Словно он оказался на берегу озера и на него повеяло прохладным ветерком с гор. Такой свежий ветер бывает там, когда распускаются листья, но перед глазами Гимпэя возникло озеро, еще затянутое льдом. Должно быть, гладкое стекло витрины напомнило ему озеро — то озеро, на берегу которого раскинулась деревня матери.

Над озером, скрадывая очертания берега, клубится туман. Гимпэй пытается заманить на лед свою кузину Яёи, лелея надежду, что лед проломится и она утонет. Он по-мальчишески ненавидит кузину. Яёи старше его на два года, но Гимпэй хитрее и коварней.

Когда ему исполнилось десять лет, его отец погиб при довольно странных обстоятельствах. После смерти отца родственники настаивали, чтобы мать вернулась в родную деревню. Гимпэя же преследовал страх: если мать уйдет из отцовского дома, он ее навсегда потеряет. И чтобы не допустить этого, он с детства научился прибегать к всяческим хитростям. Яёи же росла, окруженная весенним теплом родительской ласки. Именно Яёи — племянница матери — стала первой любовью Гимпэя, и, может быть, не последнюю роль в этом сыграла тайная надежда: эта любовь поможет ему каким-то образом добиться, чтобы мать осталась с ним. Для Гимпэя было огромным счастьем гулять с Яёи по берегу озера, глядя, как их тени отражаются в воде. И такие минуты ему казалось, что они никогда не разлучатся, вечно будут вместе.

Но счастье Гимпэя длилось недолго. Когда Яёи исполнилось пятнадцать, она перестала проявлять к нему интерес. К тому же после смерти отца родственники по материнской линии стали чураться отцовской родни. Охладев к Гимпэю, Яёи уже и относилась к нему с откровенным пренебрежением. Именно тогда у Гимпэя возникло желание, чтобы лед проломился под ногами Яёи и она утонула в озере. Она вышла замуж за морского офицера и теперь, должно быть, овдовела.

Стеклянная витрина цветочной лавки напомнила Гимпэю покрытое льдом озеро.

— Как ты посмела ударить меня! — возмутился он, поглаживая грудь. — Наверно, на коже синяк.

— Покажи жене, когда вернешься домой.

— Нет у меня жены.

— Ври больше.

— В самом деле нет. Я одинокий школьный учитель, — холодно ответил Гимпэй.

— А я одинокая школьница, — пошутила проститутка.

Гимпэй даже не удостоил ее взглядом, но слово «школьница» вызвало у него новый приступ головной боли.

— Опять ноги болят? Я ведь говорила тебе: лучше отдохнуть, чем болтаться по городу. — Женщина поглядела на его ноги.

Что бы сказала Хисако, если бы увидела его в обществе этой женщины? — подумал Гимпэй, в страхе озираясь на прохожих. Он почему-то был уверен: если Хисако и не вернулась к воротам после того, как ушла в дом, сердцем она сейчас с ним.

На следующий день у Гимпэя был урок родного языка в группе, где училась Хисако. Она ожидала его у входа в класс.

— Господин учитель, вот лекарство. — Она поспешно сунула ему в карман маленький сверток.

Измученный головной болью и недосыпанием, Гимпэй не подготовился к занятиям и поэтому решил задать сочинение на свободную тему. Один из мальчиков поднял руку и спросил:

— Господин учитель, а можно написать про болезнь?

— Пишите о чем угодно — ведь сочинение на свободную тему.

— А про экзему можно?.. Хотя это и противная болезнь...

В классе послышался смех. Все повернулись в сторону мальчика. Учителя же никто не удостоил любопытным взглядом. По-видимому, смеялись над мальчишкой, а не над ним, Гимпэем.

— Можно и про экзему. Лично мне о ней ничего не известно, и ваше сочинение поможет восполнить этот пробел в моих знаниях, — ответил Гимпэй и мельком взглянул на Хисако.

Школьники снова дружно рассмеялись — на этот раз в знак солидарности с его неведением. Хисако продолжала что-то писать, низко склонив голову. Но Гимпэй заметил, как у нее зарделись уши.

Когда Хисако положила ему на стол свое сочинение, Гимпэй поглядел на заглавие: «О моем учителе». Значит, девушка написала о нем.

— Мисс Тамаки, прошу вас остаться после занятий, — сказал он.

Хисако едва заметно кивнула. Не поднимая головы, она посмотрела на него снизу вверх. Гимпэй почувствовал ее пристальный взгляд.

Хисако отошла к окну и некоторое время глядела в сад. Когда все сдали свои работы и покинули класс, она подошла к столу. Гимпэй не спеша сложил сочинения в стопку и встал. Они молча вышли в коридор. Хисако следовала чуть позади.

— Спасибо за лекарство, — сказал Гимпэй, обернувшись. — Ты никому не говорила о том, что я просил лекарство от экземы?

— Никому.

— Хорошо.

— Только Онде сказала. Она ведь моя подруга...

— Значит, Онде?..

— Только ей одной.

— Достаточно рассказать одной, чтобы узнали все.

— Ошибаетесь, никто, кроме Онды, об этом не знает. А у нас с ней нет секретов. Мы поклялись рассказывать друг другу все без утайки.

— Вот, значит, какая у тебя подруга!

— Да. И про то, что у отца экзема, я тоже ей призналась. Наверно, вы как раз этот наш разговор и подслушали.

— Может быть, может быть... Так ты говоришь, будто у тебя нет секретов от Онды? Это ложь. Подумай хорошенько. Разве ты рассказываешь ей все, о чем думаешь в течение с уток? Тебе тогда не хватило бы двадцати четырех часов. Ведь это невозможно! Представь себе: ночью ты видела сон, а наутро, когда проснулась, забыла его. Как же ты расскажешь о нем подруге? А если ты поссорилась с Ондой во сне и решила убить ее?

— Такие сны мне не снятся.

— Видишь ли, желание быть абсолютно откровенной с подругой — не что иное, как прихоть больной фантазии. Лишь на небе или в аду не может быть секретов от других. Но не

в обычной земной жизни. Если у тебя нет никаких секретов от Онды, значит, ты как самостоятельная личность просто не существуешь, не живешь своей собственной жизнью. Положа руку на сердце, подумай, о чем я тебе говорю. Честно подумай.

Хисако не сразу поняла, куда клонит Гимпэй, зачем пытается внушить ей эти мысли.

— Вы считаете, что в дружбу верить нельзя? — попыталась она возразить.

— Не может существовать истинной дружбы, когда нет друг от друга секретов. И не только дружбы, но и всяких иных человеческих чувств.

— Что вы говорите?! — Хисако никак не могла понять его. — Я делюсь с Ондой всем, что считаю важным.

— Так ли это?.. Думаю, о самом важном, как и о самой мелочи — вроде малюсенькой песчинки в дюнах, — ты ей не рассказываешь. К примеру, насколько важной ты считаешь экзему, от которой страдают твой отец и я? Наверно, по важности она стоит у тебя где-то посередине?

Слова Гимпэя прозвучали столь язвительно, что Хисако побледнела и готова была вот-вот расплакаться. Он заметил это и продолжил в более мягком тоне:

— Неужели ты сообщаешь Онде все подробности о вашей семье? Наверное, нет. И о секретах, связанных со службой твоего отца, тоже не рассказываешь. Или, к примеру, ты написала сочинение об учителе — обо мне, должно быть. Думаю, не обо всем, что там написано, ты говорила Онде.

Хисако поглядела на Гимпэя полными слез глазами. Но не произнесла ни слова.

— Кстати, чем занимался твой отец после войны? Каким образом удалось ему так преуспеть? Хоть я и не Онда, но хочу, чтобы ты мне когда-нибудь подробно о нем рассказала.

Гимпэй говорил равнодушно, как бы не придавая этому особого значения, но в его словах прозвучала явная угроза. Он подозревал, что отец Хисако сколотил состояние незаконными операциями на черном рынке, — как иначе смог бы он сразу после войны приобрести такой роскошный особняк? Он решил на всякий случай припугнуть Хисако, рассчитывая, что теперь уж она будет держать язык за зубами и не проговорится, как он тайно следовал за ней до самого дома, хотя верил, что Хисако и так никому о нем не рассказала, иначе навряд ли пришла бы сегодня на занятия, да еще принесла лекарство и написала сочинение «О моем учителе».

Он пошел следом за Хисако бессознательно, словно во сне или в опьянении, влекомый ее женскими чарами. По-видимому, она уже тогда поняла это, осознала силу своей привлекательности, и это внушало ей самой тайную радость. Что до Гимпэя, то он почувствовал, что его околдовала необыкновенная девушка.

Припугнув Хисако и решив, что цель достигнута, Гимпэй огляделся по сторонам и заметил Нобуко Онду. Она стояла в конце коридора и наблюдала за ними.

— Ну, пока... Вон твоя близкая подруга заждалась. Наверно, беспокоится за тебя, — сказал Гимпэй.

Хисако не бросилась вперед, опережая учителя, как поступила бы обыкновенная девочка. Потупившись, она медленно шла по коридору за ним следом, все более отставая.

Спустя несколько дней Гимпэй поблагодарил ее за лекарство.

— Спасибо тебе, оно прекрасно подействовало. Теперь я совершенно здоров.

— Я рада. — Щеки Хисако порозовели, на них появились симпатичные ямочки.

Однако радость Хисако была недолгой. Не посчитавшись с подругой, Онда донесла на нее и Гимпэя, и дело кончилось тем, что его выгнали из колледжа.

С той поры минуло много лет, и вот теперь в турецкой бане Гимпэй вдруг представил, как в том роскошном особняке отец Хисако, восседая в кресле, сдирает кожу на зараженных экземой ногах...

— Человеку, больному экземой, турецкая баня категорически противопоказана. Влажный пар вызывает невыносимый зуд, — пробормотал Гимпэй. — Среди твоих клиентов попадались больные экземой?

— Как вам сказать... — уклончиво ответила девушка.

— Таким, как я, экзема не угрожает. Она — привилегия богачей, у которых на ногах

мягкая, нежная кожа. Микробы вульгарной болезни поселяются на благородных ногах — такова жизнь. А на ногах вроде моих, похожих на обезьяны, с грубой, жесткой кожей, бактерии просто не выживают, — произнес Гимпэй, наблюдая, как девушка своими белыми пальцами массирует подошвы его уродливых ног. — К ним даже экзема не захочет пристать, — повторил он опять и нахмурился.

Зачем именно сейчас, когда он испытывает настоящее блаженство, понадобилось ему затевать с этой симпатичной банщицей разговор об экземе? Может быть, чтобы повторить ту ложь, которую он сказал Хисако?

Тогда, у ворот ее дома, он неожиданно солгал, будто у него на ногах экзема и нужно лекарство. Потом он солгал снова, когда спустя несколько дней поблагодарил ее за лекарство, от которого якобы ему стало лучше. На самом деле никакой экземы у него не было. Он не соврал тогда на уроке, что об экземе ему ничего не известно. А лекарство, принесенное Хисако, он выбросил. Он и уличной женщине говорил, будто не может ходить из-за экземы. Одна ложь порождала другую и, раз высказанная, уже неотступно следовала за ним по пятам. Ложь преследовала Гимпэя подобно тому, как Гимпэй преследовал женщин. То же и преступление: единожды совершенное, оно преследует человека, порождая новые преступления. А плохие привычки? Однажды увязавшись за женщиной, Гимпэй уже не мог совладать с желанием преследовать других. Привычка столь же прилипчива, как экзема. От нее невозможно избавиться. Казалось бы, вылечился от экземы — глядь, на будущий год в летнюю пору она появляется снова.

— У меня нет экземы. Я вообще не знаю, что это такое, — пробормотал Гимпэй, словно упрекая себя за ложь. Как это могло ему прийти в голову: сравнивать удивительное, восторженное ощущение, какое он испытывал, следуя за женщиной, с отвратительной болезнью? Неужели впервые произнесенные им слова лжи были способны вызвать подобную ассоциацию?

Внезапная догадка возникла у него в голове: не от того ли, что у него безобразные ноги, не от ощущения ли своей неполноценности солгал он тогда Хисако, будто у него экзема? И не потому ли, что у него безобразные ноги, он следует по пятам за женщинами — ведь передвигается-то он за ними на этих ногах! Гимпэй был поражен этой внезапно озарившей его мыслью. Неужели уродливая часть его тела жаждет красоты, стремится к ней? Так, может, это закон небес, может, так предопределено свыше, что уродливые ноги должны следовать за красивыми женщинами?

Дедушка начала массировать колени и икры. Теперь его ноги были прямо перед ее глазами.

— Ногти постричь? — услышал он приятный голосок банщицы.

— Ногти? Ты имеешь в виду ногти на ногах? Неужели ты согласна постричь даже эти ногти? — воскликнул Гимпэй и, чтобы скрыть замешательство, добавил: — Они, должно быть, очень большие?

Девушка опустила ладонь на подошву и мягким нажатием распрямила скрюченные и длинные, как у обезьяны, пальцы.

— Немного длинные... — сказала она и стала аккуратно подстригать ногти.

— Как чудесно, что тебя можно всегда здесь найти, — заговорил Гимпэй. Он перестал наконец смущаться и предоставил ей заниматься ногтями. — И что я смогу приходить сюда в любое время, когда захочу тебя повидать... А если пожелаю, чтобы ты сделала мне массаж, достаточно назвать твое имя?

— Да.

— Ты ведь не случайная прохожая. Не посторонняя, чье имя и адрес мне неизвестны. Ты не такая, как те, кого я теряю в этом мире без надежды когда-нибудь встретить, если только сам не пойду за ними. Впрочем, тебе может показаться странным то, о чем я говорю...

Никогда и ни перед кем он так откровенно не выставлял свои уродливые ноги, как перед этой девушкой, которая тем временем, придерживая одной рукой его стопу, аккуратно подстригала ногти. Эта мысль вызвала у него на глазах слезы умиления.

— Да, тебе могли показаться странными мои слова, но я говорю правду... Приходилось ли тебе испытывать чувство горького сожаления, когда человек проходит мимо и навсегда исчезает? Мне оно так знакомо. Я говорил себе: «Ах, какой приятный человек!», «Какой изумительной красоты женщина!» — или: «Никогда в жизни не приходилось встречать кого-либо столь привлекательного». Это случалось на улице, когда я оглядывался на прохожего, или в театре, когда я любовался женщиной, сидевшей в соседнем кресле, или после концерта, когда я спускался по лестнице рядом с незнакомым человеком. И я думал: через мгновение мы разойдемся в разные стороны и больше не встретимся... Нельзя ведь вдруг остановиться и заговорить с совершенно незнакомым человеком! Такова жизнь — и с этим ничего не поделаешь. Но всякий раз меня при этом охватывает такая смертельная тоска... Я испытываю такую опустошенность, что словами это не передать. И появляется неудержимое желание последовать за этим человеком даже на край света, хотя и понимаешь, что это невозможно. Единственный выход —¹ лишить его жизни.

Гимпэй умолк, почувствовав, что его занесло куда-то в сторону, и, переводя разговор на другое, сказал:

— Кажется, я говорил несколько напыщенно, но что мне безусловно приятно — это возможность услышать твой голос: ведь достаточно набрать номер телефона... Но тебе, по-видимому, не всегда это удобно. И в отличие от посетителей у тебя нет свободы выбора. К примеру, тебе понравился посетитель, ты хочешь, чтобы он пришел снова, и с нетерпением ожидаешь его, но ведь это от тебя не зависит, это целиком зависит от его желания: прийти или нет. Может, больше он вообще никогда не появится. Грустно, правда? Но неизбежно, и с этим надо смириться. Такова жизнь.

Гимпэй наблюдал, как двигались лопатки у банщицы, когда она стригла ему ногти.

Покончив с ногтями, девушка замерла в нерешительности, потом, не поворачивая головы, спросила:

— А на руках?..

Гимпэй поглядел на свои руки, скрещенные на груди, и сказал:

— Вроде бы на руках ногти не такие длинные. И не такие грязные, как на ногах.

Но поскольку он не отказался, девушка постригла ему ногти и на руках.

Гимпэй догадывался, что напугал девушку своими неожиданными и зловещими высказываниями. Они и у него самого оставили в душе неприятный осадок. В самом ли деле конечной целью преследования должно быть убийство? Он всего лишь подобрал сумку Мияко Мидзуки, и трудно сказать, доведется ли ему вновь ее встретить. Ему помешали встречаться с Хисако, и нет никакой надежды, что когда-нибудь он ее увидит. Он не довел преследование этих женщин до конца, не совершил убийства. По-видимому, и Хисако и Мияко для него навсегда потеряны — обе они остались где-то в недоступном ему мире.

Перед его глазами с удивительной ясностью всплыли лица Хисако и Яёи, и он сравнил их с лицом банщицы.

— Ты делаешь это так тщательно и с таким умением. Было бы странно, если бы посетители не приходили к тебе снова.

— Зачем вы так меня хвалите? Ведь это моя работа.

— Как чудесно ты сказала эти слова: «Ведь это моя работа».

Девушка отвернулась. Гимпэй смущенно закрыл глаза. Сквозь узкие щелки между веками он видел белый лифчик банщицы...

— Сними это, — сказал он однажды Хисако, ухватившись пальцами за край лифчика.

Хисако отрицательно покачала головой. Он рванул лифчик на себя, обнажив ее грудь. Хисако испуганно глядела на лифчик, а он сначала сжал его в кулаке, потом отбросил и сторону...

Гимпэй открыл глаза и поглядел на правую руку банщицы, которой она стригла ему ногти. Насколько Хисако была моложе ее? На два года, а может, на три? Стало ли тело Хисако теперь столь же прекрасным и белокожим, как у этой банщицы? Гимпэй ощутил запах краски,

какой бывает окрашена темно-голубая хлопчатобумажная ткань курумэ. В юности он носил кимоно из такой материи, но сейчас этот запах напомнил ему юбку Хисако из голубой саржи. Надевая юбку, Хисако заплакала, да и у самого Гимпэя выступили на глазах слезы...

Он почувствовал, как внезапно обессилели пальцы, с которых девушка обрезала ногти, и вспомнил: то же самое случилось, когда он и Яёи, взявшись за руки, шли по намерзшему озеру близ родной деревни матери.

— Что с тобой? — удивилась тогда Яёи и повернула к берегу.

Наверное, если бы силы в тот миг не покинули Гимпэя и он удержал бы Яёи, он сумел бы все же проломить лед и утопить ее.

Яёи и Хисако не были для него первыми встречаемыми. Он не только знал их имена и адреса — некоторым образом с ними была связана часть его жизни. И при желании он мог всегда их повидать. Но его вынудили расстаться с этими женщинами...

— Как насчет ушей? — спросила банщица.

— Ушей? А что ты собираешься делать с моими ушами?

— Прочистить. Сядьте, пожалуйста...

Гимпэй приподнялся с топчана и сел. Девушка слегка помяла мочку уха, потом сунула в ушную раковину палец и стала осторожно его вращать. Он ощутил, как застойный воздух выходит из уха, и, по мере того как она продолжала вращать палец, придерживая его свободной рукой, чувствовал легкую вибрацию, и множество новых звуков проникло в его ухо.

— Как тебе это удается? Мне кажется, будто я погрузился в чудный сон! — воскликнул Гимпэй и повернул голову. Но собственного уха он, конечно, увидеть не смог.

Тем временем банщица просунула палец в другое ухо и стала медленно его вращать.

— Похоже на нежный любовный шепот. Как мне хотелось бы, чтобы все людские голоса исчезли из моих ушей и в них звучал лишь твой чудесный голосок. Пусть исчезнут вообще все лживые голоса!

Полуобнаженная банщица вплотную придвинулась к Гимпэю. Ему почудилось, будто все его существо наполнилось неземной музыкой.

— Вот и все. Извините, если что-то было не так, — сказала девушка.

Она натянула на ноги Гимпэя носки, застегнула на рубашке пуговицы, надела ботинки и завязала шнурки. Единственное, что пришлось сделать ему самому, — повязать галстук и затянуть на брюках ремень. Пока Гимпэй пил прохладный сок, девушка стояла с ним рядом, потом проводила его до двери.

Гимпэй вышел в сад, и в вечерней тьме ему вдруг привиделась огромная паутина. Вместе с различными насекомыми он заметил в паутине двух, а может, трех белоглазок. Он обратил внимание на четкие белые кружки на их синих крылышках и вокруг глаз. Взмахнув крыльями, они вполне могли бы разорвать тенета, но крылья их были сложены и опутаны паутиной. Если бы паук приблизился к белоглазкам, они заклевали бы его, поэтому он оставался на почтительном расстоянии, в самом центре паутины, отвернувшись от них.

Гимпэй поднял глаза выше и поглядел на темную зелень деревьев. Ему вспомнился ночной пожар на дальнем берегу озера, там, где была деревня его матери. Пламя пожара, отражавшееся в озере, неудержимо влекло к себе.

Гимпэй зря бежал в Синею, спасаясь от преследования. Если кто и преследовал его, то, по-видимому, только деньги, которыми он теперь обладал. Дело было не в самом факте воровства, а именно в деньгах.

* * *

Потеряв сумку с крупной суммой денег, Мияко Мидзуки тем не менее не сообщила об этом в полицию. Это был чувствительный удар по ее бюджету, но по некоторым причинам она решила не заявлять о пропаже. Поэтому Гимпэй понимал, что совершил преступление. Но он не считал, что отобрал у Мияко деньги. Разве он не пытался ее окликнуть, предупредить, что

она уронила сумку? Да и сама Мияко не считала, что ее ограбили. Она не была даже вполне уверена в том, что Гимпэй присвоил ее деньги. Когда она швырнула сумку, кроме Гимпэя, поблизости никого не было, и само собой подозрение в первую очередь пало на него, но Мияко не видела и потому не могла утверждать, что именно Гимпэй подобрал сумку, — это мог сделать кто-нибудь другой.

— Сатико, Сатико! — позвала она служанку, как только вошла в дом. — Я потеряла сумку, кажется, около аптеки. Сходи поищи ее. Беги туда сейчас же — не мешкай! Иначе кто-нибудь подберет.

Тяжело дыша, Мияко поднялась на второй этаж. Тацу, другая служанка, поспешила за ней.

— Барышня, вы уронили сумочку? — Тацу, мать Сатико, раньше была единственной прислугой у Мияко, но со временем ей удалось пристроить сюда и свою дочь, хотя Мияко жила одна в маленьком домике и ей не было нужды держать сразу двух служанок. Тацу воспользовалась двусмысленным положением хозяйки и сумела поставить себя выше, чем обыкновенная служанка. Обращаясь к Мияко, она называла ее то «госпожа», то «барышня». Но когда приходил старик Арита, всегда величала хозяйку госпожой.

А все оттого, что однажды в минуту откровенности Мияко призналась ей: «Когда мы остановились в отеле в Киото, служанка называла меня „барышня“, если я была одна в номере. В присутствии же Ариты говорила „госпожа“. Какая уж я там „барышня“ — смешно сказать! Наверно, служанка презирала меня. Мне же тогда казалось, будто она сочувствует моему положению: вот, дескать, попалась бедняжка старику в лапы! — и от этого мне становилось так грустно...» «Позвольте и мне к вам так обращаться», — предложила Тацу.

С того времени так и повелось.

— Все же странно, барышня, как вы на дороге могли уронить сумочку и не заметить? Ведь других вещей у вас не было, — сказала Тацу, внимательно разглядывая Мияко своими маленькими, округлившимися глазками.

Ее глаза оставались круглыми, даже если она не раскрывала их широко. Когда Сатико, которая была как две капли воды похожа на мать, широко раскрывала глаза, они становились удивительно красивыми. У Тацу же глаза были неестественно выпучены — все время настороже.

Лицо у Тацу было тоже круглое и маленькое, шея толстая, груди большие, а дальше ее тело как бы все утолщалось книзу и заканчивалось малюсенькими ножками, которые странно сужались у казавшихся сплюсненными щиколоток. От всего ее облика веяло хитростью и коварством. Мать и дочь были маленького роста.

Толстый, мясистый затылок не позволял Тацу поднять голову, и Мияко, стоявшей перед ней, казалось, будто служанка, уставившись прямо ей в грудь, видит ее насквозь.

— Я ведь сказала, что уронила ее! — сердито прикрикнула она на служанку. — Ты же видишь, у меня ее нет.

— Но барышня!.. Вы сказали, что уронили сумочку возле аптеки, верно? Значит, вы запомнили место, где это произошло, и оно поблизости от дома. Почему же вы ее не подняли?

— Еще раз тебе говорю — уронила!

— Можно бы еще понять, если б вы забыли ее где-нибудь, как зонтик. Но просто выпустить из рук... Это все равно что обезьяне с дерева свалиться! Так не бывает, — сказала Тацу, приведя довольно странное сравнение. — Но даже если и уронили, вы ведь могли остановиться и подобрать ее.

— Что за глупости ты говоришь?! Конечно, я бы так поступила, если бы сразу заметила.

Мияко только теперь обратила внимание, что поднялась на второй этаж, не переодевшись. Правда, ее платяные шкафы с кимоно и европейскими костюмами находились здесь же, в маленькой комнате, рядом с большой, в восемь татами. Так было удобнее переодеваться, когда приходил старик Арита. Но в этом проявлялась и своеобразная власть Тацу, которая считала нижний этаж своей вотчиной.

— Сходи вниз, смочи полотенце холодной водой и принеси сюда. Я немного вспотела.

— Слушаюсь, барышня.

Мияко рассчитывала, что она успеет раздеться и вытереть пот, пока Тацу будет внизу.

— Я добавлю в воду немного льда из холодильника и оботру вас, — предложила Тацу.

— Спасибо, я сама, — сердито ответила Мияко.

Когда Тацу спустилась вниз, стукнула входная дверь.

— Матушка, я прошла от аптеки до улицы, по которой ходит трамвай, но сумки нигде нет, — донесся до Мияко голос Сатико.

— Так я и знала... Поднимись на второй этаж и доложи госпоже. Ты сообщила в полицию о пропаже?

— Нет. А нужно было?

— Что стоишь как дурочка? Пойди сейчас же и заяви.

— Сатико, Сатико! — позвала ее Мияко. — Сообщать и полицию не надо. Ничего ценного в сумке не было...

Сатико промолчала. Тацу поставила таз с водой на деревянный поднос и поднялась на второй этаж. Мияко уже сняла юбку и была в одной рубашке.

— Позвольте вытереть вам спину, — слащавым голосом предложила Тацу.

— Не надо, я сама. — Мияко взяла у служанки отжатое полотенце, вытянула ноги и начала их обтирать. Тацу подобрала ее чулки и стала складывать.

— Оставь, все равно буду стирать, — сказала Мияко и бросила ей на руки полотенце.

Тем временем к ним поднялась Сатико. Она остановилась у двери и низко поклонилась, коснувшись ладонями порога.

— Я ходила, но сумки там нет. — Сатико выглядела мило и в то же время несколько комично.

Тацу приучила дочь быть всегда учливой с хозяйкой. Сама же она, в зависимости от обстоятельств, то вела себя с Мияко до тошноты вежливо, то чуть ли не по-приятельски, а подчас даже нахально и грубо. Она надоумила дочь завязывать шнурки на ботинках Ариты, когда тот уходил. Старик страдал невралгией и нередко опирался о плечи Сатико, чтобы встать на ноги. Мияко уже давно разгадала план Тацу: сделать так, чтобы Арита бросил хозяйку и сблизился с Сатико. Правда, ей не было известно, рассказала ли Тацу об этом плане своей семнадцатилетней дочери.

Мать приучила Сатико пользоваться духами, а когда Мияко, узнав об этом, удивилась, та ответила: «От ее тела слишком сильно пахнет».

— Почему вы запретили Сатико сообщить о пропаже в полицию? — спросила Тацу.

— Какал же ты настырная...

— Разве можно примириться с такой пропажей? Сколько в сумке было денег?

— Там денег не было вовсе. — Мияко закрыла глаза, прижала к ним холодное полотенце и замерла, чувствуя, как часто бьется сердце.

Мияко имела две сберегательные книжки. Вторая была на имя Тацу, у которой она и хранилась. О последней старик Арита ничего не знал. Именно Тацу посоветовала ей так поступить.

Двести тысяч иен Мияко сняла со своей книжки. Она сделала это втайне от Тацу, опасаясь, как бы Арита не прознал об этом, иначе обязательно потребует объяснений, на что она их потратила. И Мияко решила соблюдать максимум осторожности, чтобы случайно не проговориться.

Двести тысяч иен — это была компенсация Мияко за потерянную юность, за краткую пору расцвета, отданную полумертвому седому старцу. Деньги были оплачены ее молодой кровью. Но теперь они пропали. Мияко все еще никак не могла поверить в случившееся. Одно дело, когда деньги истрачены, — тогда хоть помнишь, на что их потратил, и после того, как их не стало. Совсем другое, когда просто так теряешь сбережения, которые копил годами, — остается лишь горькая мысль: зачем было копить столько лет?

И все же Мияко не могла отрицать, что, потеряв деньги, ощутила на миг радостное волнение. И убежала она не из страха перед преследовавшим ее человеком, а потому, что

испугалась неожиданно охватившей ее радости. Но, как и Гимпэй, она не могла бы ответить на вопрос: ударила ли она своего преследователя сумкой или просто бросила ее в его сторону? Безусловно, Мияко знала, что вовсе не роняла сумку. У нее тогда вдруг сильно заболела рука, и эта боль пронзила ей грудь, все тело. Мияко на миг даже замерла в некоем болезненном восторге. Будто неясные чувства, забродившие внутри нее, пока ее преследовал мужчина, вырвались наружу и вспыхнули ярким пламенем. Словно в единый миг ожила ее юность и мстила за себя, за годы, отданные в жертву старику Арите. И если это было действительно так, то Мияко получила мгновенную компенсацию за долгие годы стыда и ощущения своей неполноценности, когда она копила эти двести тысяч. Значит, деньги пропали не зря.

Но дело оказалось вовсе не в деньгах, не в этих двухстах тысячах иен. Когда Мияко размахнулась, она позабыла о деньгах и далее не заметила, как сумка сорвалась у нее с руки. Не вспомнила Мияко о сумке и тогда, когда, повернувшись, бросилась бежать. Следовательно, она вовсе не лгала, сказав, будто уронила сумку. Честно говоря, она и думать забыла о ней и о лежащих там деньгах еще до того, как ударила Гимпэя. Всем сердцем она ощущала лишь одно: ее преследует мужчина, и в тот миг, когда это ощущение достигло вершины, сумка сорвалась с ее руки.

Радостное чувство не покидало ее и когда она вошла в дом. Должно быть, поэтому Мияко постаралась незаметно проскользнуть к себе на второй этаж.

— Иди вниз, я хочу переодеться, — сказала она, обтерев шею и руки.

— А почему бы вам не переодеться в ванной? — спросила Тацу, с подозрением поглядывая на хозяйку.

— Лень туда идти.

— Скажите, вы точно помните, что уронили сумочку около аптеки? Я все же схожу в полицейский участок — надо предупредить о случившемся.

— Сейчас уже и не помню.

— Это почему?

— Меня преследовал мужчина... — проговорила Мияко. Ей так хотелось поскорее остаться одной, прийти в себя от радостного возбуждения, что признание невольно сорвалось у нее с языка.

— Опять?! — Круглые глазки Тацу недобро сверкнули.

— Опять. — Мияко кивнула и сразу почувствовала, как радость испарилась и ей на смену пришла опустошенность.

— А вы сразу возвратились домой? Или, может быть, решили поводить за нос вашего преследователя?.. Наверно, поэтому и потеряли сумку. — Заметив, что дочь все еще находится в комнате, Тацу прикрикнула: — Сатико, а ты чего здесь околачиваешься? Ну-ка, спускайся вниз!

Девушка с любопытством прислушивалась к их разговору, забыв, что он вовсе не предназначен для ее ушей. Она покраснела и поспешно покинула комнату.

Собственно, для нее уже давно не было секретом, что на улице за Мияко часто увязываются мужчины. Знал об этом и старик Арита. Однажды посреди Гиндзы¹ Мияко сама шепнула ему:

— Какой-то человек идет за мной следом.

— Да? — Старик хотел обернуться.

— Не оглядывайтесь, — предупредила она.

— Разве нельзя? А почему ты решила, что он тебя преследует?

— Почувствовала. Он недавно шел нам навстречу. Высокий такой... в синей шляпе.

— Я не обратил внимания. Но, может, ты подала ему знак, когда он проходил мимо?

— Глупости! Неужели я похожа на женщину, способную заигрывать с первым встречным?

¹ Гиндза — центральная улица в Токио.

— Но тебе, наверное, приятно, что он обратил на тебя внимание?

— Может, и правда стоит с ним познакомиться... Давайте пари: до какого места он будет идти за мной? Договорились? Только вряд ли что-нибудь получится, если рядом со мной он увидит старика с палкой. Вы зайдите вон в ту мануфактурную лавку и понаблюдайте оттуда. Если он пойдет за мной до конца улицы и обратно, с вас белый летний костюм, но только, пожалуйста, не полотняный.

— Ну а если проиграешь?

— Если проиграю? Дайте подумать... Я позволю вам всю ночь отдыхать, положив голову мне на руку.

— Учти, будет нечестно, если ты обернешься к нему или заговоришь.

— Само собой.

Арита заранее знал, что проиграет пари, но был уверен, что и в случае проигрыша Мияко позволит ему отдыхать на ее руке. Правда, кто знает, не выдернет ли она руку из-под его головы, когда он уснет, с горечью подумал Арита. Наблюдая за Мияко и следовавшим за ней мужчиной, он вдруг почувствовал, будто к нему возвращается молодость. Он вовсе не ревновал. Ревность вообще была под запретом.

У себя дома старик содержал в должности экономки милостивую женщину лет тридцати. Она была старше Мияко почти на десять лет. Лежа рядом то с одной, то с другой — обе они подкладывали ему руку под голову или обнимали за шею, — этот семидесятилетний старец каждую из них воспринимал и как мать. Ведь только мать способна дать забвение от страхов, которыми полон этот мир. Так он думал. Экономке и Мияко было известно о существовании друг друга. Он сам рассказал им об этом, а Мияко предупредил: если она начнет хоть чуточку ревновать, он либо изувечит ее, либо умрет от разрыва сердца. Наверно, так Арита пытался обеспечить себе спокойную жизнь. Он страдал от невроза сердца, и Мияко об этом знала — всякий раз во время приступа она мягко поглаживала ему грудь, нежно прикасалась к ней щекой.

Что до экономки, которую звали Умэко, то она, по-видимому, не могла подавить в себе ревнивое чувство. Мияко вскоре стала догадываться: если старик Арита приходил к ней в хорошем расположении духа и баловал ее, значит, в тот день экономка доняла его ревностью. Как только может эта молодая еще женщина ревновать немощного старца? — с презрением думала Мияко.

Арита нередко хвалил экономку, называл ее примерной, домовитой хозяйкой. Мияко из этого делала вывод, что в ней, в отличие от Умэко, он хотел видеть лишь девицу для развлечений. Но и от Умэко и от Мияко он прежде всего жаждал проявления материнского чувства. Когда Арите было два года, отец развелся с его матерью и привел в дом другую женщину. Старик часто рассказывал Мияко эту историю и в заключение всякий раз говорил:

— Как был бы я счастлив, если бы место мачехи заняли такие женщины, как ты или Умэко.

— Не знаю, не знаю! Может, я изводила бы пасынка. Наверно, в детстве вы были противным мальчишкой.

— Нет, я был послушным ребёнком.

— Должно быть, в воздаяние за то, что мачеха изводила пасынка, вам на старости лет достались две добрые мамы. Разве вы не счастливы? — однажды иронически заметила Мияко. На это Арита вполне серьезно ответил:

— И правда! Я так благодарен тебе.

«Ах, значит, он благодарен!» — злилась Мияко и в то же время думала: есть чему поучиться у этого семидесятилетнего старца.

Похоже, Ариту, который по-прежнему трудился, несмотря на возраст, раздражал праздный образ жизни Мияко. Предоставленная себе Мияко чуралась всякой работы. Молодость безвозвратно уходила, а ее уделом было бессмысленное ожидание визитов Ариты. Мияко удивляли старания служанки Тацу как можно больше выжать из старика. Это она пыталась надоумить Мияко, чтобы та утаивала часть платы за отель, когда Арита отправлялся

с ней в путешествие. Тацу посоветовала договориться с метрдотелем, чтобы тот выставил завышенные счета за помер и разницу делил с Мияко. Но Мияко не захотела унизиться до таких махинаций.

— Раз вам это не по душе, попытайтесь хотя бы утаить кое-что из чаевых. Ради престижа старик не станет скупиться, а вы рассчитывайтесь в соседней комнате. К примеру, получите от него три тысячи и, пока идете расплачиваться, суньте тысячу иен за пазуху или под пояс кимоно.

— Перестань! Противно слушать — до чего же ты жадная и мелочная.

Но это вовсе не было для Тацу мелочью, если учесть ее мизерное жалованье.

— При чем тут жадность, госпожа? Деньги копятя понемногу. Песчинка к песчинке — глядь и гора выросла. Нам приходится копить день за днем, месяц за месяцем... Мы ведь сочувствуем вам, госпожа. Жалко глядеть, как этот старый кровопийца сосет вашу молодую кровь.

Когда приходил Арита, Тацу мгновенно менялась, даже голос у нее становился слащавым, как у торговки, завидевшей покупателя. Это сейчас в разговоре с хозяйкой у нее проскальзывали сердитые нотки. Мияко чувствовала, как в ней поднимается раздражение. Его причиной были даже не трескучий голос и попреки Тацу, а скорее страх. Как проходит жизнь! Как день за днем, месяц за месяцем исчезает молодость! Гораздо быстрее, чем копились деньги.

Мияко воспитывалась совсем в иных условиях, чем Тацу. До того как Япония проиграла войну, родители ей ни в чем не отказывали, и она росла, как говорится, «среди цветов и мотыльков»; поэтому немисливо было и предполагать, что Мияко согласится присваивать себе даже мизерную часть того, что Арита выдавал для оплаты гостиницы. Но попытки Тацу толкнуть ее на мелкий обман вызывали — и не без оснований — у Мияко подозрение: наверно, сама Тацу не упускает случая кое-что урвать для себя из ее денег. Она давно уже заметила: лекарство от простуды обходилось на пять-десять иен дороже, когда за ним ходила Тацу, а не Сатико. Мияко любопытно было узнать, какая же гора денег накопилась у Тацу на книжке из этих песчинок? Можно бы расспросить Сатико, но Тацу вряд ли показывала дочери сберкнижку: она не давала ей денег даже на карманные расходы. В общем-то Мияко смотрела на это сквозь пальцы, но, с другой стороны, не могла не обратить внимание на удивительную бережливость Тацу, которая с трудолюбием муравья таскала песчинки в свой дом. Так или иначе, Тацу вела, можно сказать, деятельный образ жизни, Мияко же — нет. Мияко отдавала безвозвратно свою юность и красоту, Тацу же не поступалась абсолютно ничем. Поэтому, когда Тацу вспоминала о том, как над ней измывался муж, погибший во время войны, Мияко с тайной радостью и даже с неким вождением спрашивала:

— И часто он тебя доводил до слез?

— Еще как! Не было дня, чтобы я не ходила с красными, опухшими от слез глазами. Да это бы еще ничего.

Однажды он запустил кочергой в Сатико. У девочки до сих пор шрам на затылке. Разве это не доказательство?

— Доказательство чего?

— Как могу я вам объяснить, барышня!

— Представляю, какой это был ужасный человек, если он имел наглость издеваться даже над тобой, — с наигранной наивностью произнесла Мияко.

— Подумать только, в те годы я была влюблена в него, как кошка. Ни на кого другого и глядеть не хотела. Ну прямо будто лис-оборотень меня очаровал. Но пришло время — чары развеялись, и к лучшему...

Слова Тацу напомнили Мияко о ее юности, когда война отняла у нее первого возлюбленного...

Выросшая в роскоши Мияко была не жадна до денег. Правда, в нынешнем ее положении двести тысяч иен — порядочная сумма, но что поделаешь — потеря. Родители Мияко потеряли во время войны несравненно больше. Само собой, сейчас она даже не представляла, как

раздобыть двести тысяч, и была в полной растерянности. Если деньги найдены, то об этом, наверно, сообщат в газете — сумма достаточно велика. А может быть, тот, кто подобрал сумку, доставит ей деньги на дом либо заявит в полицию — ведь ее фамилия и адрес значились в сберегательной книжке. Мияко несколько дней просматривала газеты, надеясь найти в них сообщение о находке. Напрасно! Неужели мужчина, следовавший за ней, украл эти деньги? Странно.

Все это случилось спустя всего неделю после того, как она выиграла пари и заставила Ариту купить ей белый летний костюм. Всю неделю Арита не появлялся в доме Мияко. Пришел он лишь на второй день после пропажи, вечером.

— Добро пожаловать! — Тацу поспешила ему навстречу и приняла мокрый от дождя зонтик. — Изволили идти пешком?

— Да. До чего же противная погода. Должно быть, начался сезон дождей.

— У вас, наверно, и поясница побаливает. Эй, Сатико, куда ты запропастилась?.. Простите великодушно, совсем забыла — она сейчас в ванной, — засуетилась Тацу и кинулась снимать со старика ботинки.

— Если вода согрелась, я и сам бы не прочь принять ванну. Сегодня не по сезону холодно — я даже продрог немножко...

— Это очень опасно для вашего здоровья, господин Арита! — воскликнула Тацу. Ее узенькие бровки нахмурились поверх округлившихся глаз. — Мы не ожидали, что нынче вечером вы изволите нас посетить. Вот я и отправила Сатико в ванную. Что ж теперь делать, что делать?!

— Стоит ли беспокоиться...

— Эй, Сатико! Хватит купаться, выходи! Да вымой после себя ванну, запусти воду и подотри пол. — Тацу метнулась к газовой колонке и зажгла газ, чтобы подогреть воду.

Не снимая плаща, Арита уселся на циновки, вытянул ноги и стал их поглаживать.

— Сатико может вам сделать массаж прямо в ванне. Вы не против?

— А где Мияко?

— Госпожа в кинотеатре. Должно быть, скоро придет — она пошла посмотреть хронику.

— Пригласи массажистку.

— Слушаюсь. Ту, что всегда?

Не дожидаясь ответа, Тацу вышла в соседнюю комнату и принесла ему кимоно.

— Вы сможете переодеться в ванной. Эй, Сатико! — снова позвала она дочь. — Пойду вытащу ее оттуда — наверно, не слышит.

— Может, она еще купается?

— Не беспокойтесь, сейчас она придет и поможет вам переодеться.

Мияко вернулась через час. Старик Арита лежал в спальне. Его массировала специально приглашенная женщина.

— Ломит поясницу, — тихо сказал он. — Зачем ты выходишь из дому в такую ужасную погоду? Прими ванну — согреешься.

— Вы правы. — Мияко села на циновки и прислонилась к платяному шкафу. Она не видела Ариту целую неделю. Он показался ей бледным, осунувшимся и усталым. Заметнее стали коричневые старческие пятна на лице и руках. — Я ходила в кино. Люблю смотреть хронику. Правда, по пути вдруг надумала зайти в косметический кабинет, привести в порядок прическу, но он уже был закрыт.

Она поглядела на волосы старика — по-видимому, ему только что помыли голову.

— От ваших волос пахнет духами.

— Наверно, из-за Сатико — она очень душится.

— От ее тела сильно пахнет.

— Вот оно что...

Мияко спустилась в ванную на первом этаже. Помыла голову. Потом позвала Сатико, чтобы та ей вытерла волосы полотенцем.

Мияко села, упершись локтями в колени, и слегка вытянула вперед голову, чтобы

служанке было удобней. Прямо перед глазами она видела маленькие ступни склонившейся над ней Сатико.

— Какие у тебя красивые ноги! — воскликнула Мияко.

Она протянула руку и дотронулась до лодыжки. Сатико вздрогнула, и эта дрожь передалась ее руке. Переняв некоторые отрицательные черты характера своей мамы, Сатико иногда воровала у Мияко разные мелочи: наполовину использованную помаду, гребни со сломанными зубцами, шпильки, уроненные хозяйкой. Но Мияко не судила ее строго, считая, что служанка совершала эти мелкие кражи из стремления подражать госпоже и из зависти, которую Сатико к ней испытывала.

После купания Мияко надела накидку поверх легкого белого кимоно с узором из листьев осота, вошла в спальню, где отдыхал Арита, и начала растирать ему ноги.

— Вам понравилась массажистка? — спросила она, представляя, как ей придется каждый день растирать старику ноги, если он возьмет ее к себе.

— Нет. Женщина, которая приходит ко мне, делает массаж гораздо лучше — более опытная и старательная.

Мияко подумала о том, что помимо приходившей массажистки, его экономка Умэко тоже делает ему массаж. Мысль эта вызвала в ней неприязненное чувство, и ей расхотелось растирать старику ноги. Арита ухватил ее за палец и потянул к ямке у копчика, но Мияко отстранилась.

— Длинные пальцы, как у меня, для такого массажа не годятся, — сказала она в оправдание.

— Ты так считаешь?.. Ошибаешься. Всякие пальцы годятся — особенно если ими движет любовь молодой женщины.

— Не кажется ли вам, что для этого лучше бы подошли короткие пальцы Сатико? Вы уж позвольте ей попробовать.

Старик не ответил. Мияко вдруг вспомнились строки из романа Радиге «Бес в крови». Сначала она посмотрела кинофильм, а потом прочитала и саму книгу. *«Не хочу сделать твою жизнь несчастной. Я плачу, потому что слишком стара для тебя,* — сказала Марта. Эти слова любви были по-детски наивны и в то же время возвышенны. Потом мне пришлось испытать немало страстных увлечений, но больше уже никогда я не сталкивался со столь трогательным проявлением чистых чувств, как у этой девятнадцатилетней девушки, страдавшей оттого, что она считала себя старой». Возлюбленному Марты исполнилось только шестнадцать. Сама же Марта была много моложе двадцатипятилетней Мияко, и, прочитав эти строки, Мияко долго не могла прийти в себя, раздумывая о безвозвратно уходящей молодости.

Арита часто повторял, что Мияко выглядит моложе своих лет. И это было правдой не только потому, что старик судил пристрастно. Так считали все, кто ее окружал. Слушая, как Арита говорил о ее молодости, Мияко чувствовала, что он радуется этому и в то же время печалится. Печалится, поскольку знает: наступит время — и свежесть, юная красота Мияко поблекнут, а тело лишится упругости и одряхлеет. Может показаться странным и даже непристойным, когда почти семидесятилетний старец требует большей молодости от двадцатипятилетней возлюбленной, но Мияко не сердилась на него. Напротив, эта его требовательность подстегивала ее стремление казаться еще моложе. Удивительно было другое: то, что старик Арита, страстно желавший молодости Мияко, в то же время жаждал проявления ею чувства материнства. И Мияко тоже, сама того не желая, иногда вдруг начинала ощущать себя матерью.

— Почему вы так долго не приходили? Наверно, расстроились, что проиграли пари? — спросила Мияко, массируя ему спину.

— Вовсе нет, — пробормотал старик, ворочая морщинистой, как у черепахи, шеей. — У меня был приступ невралгии.

— А может, потому что предпочитаете опытную массажистку, которая приходит к вам на дом?

— Может быть. И потом... Я думал, что ты не позволишь мне спать, положив твою руку

под голову — ведь я проиграл то пари.

— Отчего же? Пожалуйста.

Мияко знала: Арита уже в тех годах, когда достаточно растереть ему поясницу и позволить положить голову ей на грудь, и он ощутит блаженство — большего ему не требовалось. Все еще занятый работой старец называл часы пребывания в доме Мияко «освобождением от рабства». Эти слова напоминали Мияко о том, что для нее такие часы были «часами рабства».

— Ты не простудишься после ванны в легком кимоно?.. Спасибо, больше не надо. — Арита повернулся на бок. Как и предполагала Мияко, которой уже надоело массажировать старика, обещание подложить ему руку под голову подействовало как раз вовремя.

— Расскажи, что ты чувствовала, когда тебя преследовал тот мужчина в синей шляпе?

— Мне было приятно. А цвет шляпы тут ни при чем, — с нарочитой веселостью произнесла Мияко.

— По мне все равно, какая шляпа. Лишь бы он не рассчитывал на нечто большее, чем просто тащиться за тобой.

— А позавчера до самой аптеки за мной шел странный мужчина. Я так перепугалась, что сумку уронила.

— Ну и ну! Двое мужчин за одну неделю — не слишком ли?!

— Я и сама так думаю, — кивнула Мияко, подсовывая ладонь ему под голову.

В отличие от Тацу, у старика не вызвало подозрений признание Мияко, будто она уронила сумку. Наверное, все его внимание сосредоточилось на ее преследователях. Удивление старика вызвало у нее радостное чувство. На душе стало легче.

Уткнувшись лицом в ложбинку между ее теплых, упругих грудей, он прижал их к вискам и прошептал:

— Мои.

— Ваши, ваши, — успокаивающе подтвердила она и замерла, глядя на седую голову старика. На ее глазах выступили слезы.

Она погасила свет. В наступившей темноте перед ней всплыло лицо человека, который, по-видимому, подобрал ее сумку. В тот миг, когда он остановился, увидев ее, его лицо исказила гримаса страдания; казалось, он вот-вот заплачет. «Ох!» — должно быть, простонал он. И хотя голоса не было слышно, Мияко уловила этот стон.

Он прошел мимо, потом внезапно обернулся и поглядел на Мияко. Блеск ее волос, матовость кожи отозвались в нем острым приступом тоски. И он застонал, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. Услышав беззвучный стон, она бросила единственный взгляд на его искаженное болью лицо. Но этого было достаточно, и он сразу пошел за ней следом. Мияко он показался каким-то потерянным. Она почувствовала, как некая темная тень отделилась от него и проникла в ее душу.

Она взглянула на него один-единственный раз и потому не успела как следует разглядеть своего преследователя.

И теперь перед ее глазами всплыли во тьме лишь неясные очертания его лица, искаженного гримасой боли.

— Ты скверная женщина, — пробормотал Арита.

Мияко ничего не ответила. Слезы ручьями текли у нее из глаз.

— Коварная женщина... Столько мужчин увиваются... Тебе не страшно? Должно быть, злой демон поселился в тебе.

— Больно! — простонала Мияко, хватаясь за грудь.

Она вспомнила, как однажды ранней весной у нее набухли груди и больно было до них дотронуться. Ей показалось, что она и сейчас видит себя в ту пору юности — чистой, незапятнанной, нагой... Несмотря на юные годы, в ней уже тогда чувствовалась вполне зрелая женщина.

— Какой вы нынче сердитый и недоброжелательный. Наверно, потому, что вас донимает невралгия, — сказала Мияко.

А мысли ее были заняты другим. Она думала о том, почему чистая, ласковая девушка превратилась с годами в злую, сварливую женщину.

— А что я дурного сказал? — возразил Арита. — Будто тебе и впрямь неприятно, когда за тобой увиваются мужчины.

— Никакого удовольствия это мне не доставляет.

— Но разве ты не говорила, что тебе это приятно? Наверно, из-за близости с таким стариком, как я, ты стала жестокой и мстительной.

— Почему жестокой? И за что мне мстить?

— За несчастливую жизнь, должно быть.

— Дело не в том, доставляет мне что-то удовольствие или нет... Все не так просто.

— Да, это так. Не просто мстить за неудачно сложившуюся жизнь.

— А вы мстите за вашу несложившуюся жизнь молодым женщинам вроде меня?

— Как сказать. — Старик замолчал, по-видимому подыскивая слова, потом продолжил: — Нет, с моей стороны это не месть. Но если ты настаиваешь на этом слове, то именно я являюсь объектом мести: мщу не я — мне мстят!

Мияко не особенно прислушивалась к тому, что говорил старик. Она думала о том, как, признавшись, что в сумке была крупная сумма денег, уговорить Ариту восполнить потерю. О том, чтобы он подарил ей двести тысяч, не могло быть и речи. Сколько же попросить у него? Конечно, эти деньги в свое время ей дал Арита, но они были положены в банк на ее имя, и она могла распоряжаться ими по своему усмотрению. Да, пожалуй, лучше всего сказать ему, будто она взяла их, чтобы помочь младшему брату Кэйсукэ попасть в университет. Тогда старик не откажет...

Когда они с братом еще были детьми, люди говорили: «Кэйсукэ должен был родиться девочкой, а Мияко мальчиком». Но, с тех пор как Мияко попала в наложницы к старику Арите, характер ее изменился: она стала ленивой и нерешительной — наверно, потому, что ей не к чему было стремиться и она уже не ждала для себя от жизни ничего хорошего.

Однажды Мияко прочитала в одной из старинных книг поговорку: «Мужчину волнует красота любовницы, но не жены» — и глубоко опечалилась. Она давно уже перестала гордиться своей красотой. Правда, это чувство возрождалось в ней всякий раз, когда она замечала, что ее преследует мужчина. В то же время она понимала: он не просто увлечен ее красотой. Как утверждал Арита, от нее исходили некие дьявольские флюиды, которые заставляли мужчин идти за ней по пятам.

— Ты все время играешь с огнем. Позволять стольким мужчинам за собой увиваться — все равно что дразнить дьявола, — сказал старик Арита.

— Может быть, — покорно согласилась Мияко. — Я так думаю, что среди людей живет племя, подвластное этому страшному духу. И у него, наверно, есть свой отдельный, дьявольский мир.

— Ты говоришь так уверенно, будто там побывала. Честное слово — ты пугаешь меня! Поверь, даром тебе это не пройдет. Сдается, ты умрешь не своей смертью.

— Боюсь, такое может случиться с моим братом. Представьте себе, мой младший брат — застенчивый, как девушка, — недавно написал завещание.

— Зачем?..

— Все из-за мелочи, не стоящей внимания. Он решил наложить на себя руки всего лишь потому, что не смог попасть в университет, куда поступил его лучший друг Мидзуно. Тот из хорошей семьи и к тому же умен и сообразителен. Нынешней весной он пообещал моему брату помочь во время вступительных экзаменов и даже написал ему ответы на предполагаемые вопросы. Брат тоже неплохо учился в школе, но он страшный трусишка. Он настолько боится, что способен во время экзаменов потерять сознание. Так оно на самом деле и случилось. Наверно, он нервничал еще и потому, что заранее знал: у него нет надежды попасть в университет, если даже он успешно сдаст вступительные экзамены.

— Ты мне никогда не рассказывала об этом.

— Ах, что изменилось бы, если бы я рассказала? — воскликнула Мияко. — Мидзуно

поступил сразу, а вот ради того, чтобы брата приняли в университет, матери пришлось основательно раскошелиться. Я все же решила отпраздновать поступление брата в университет и пригласила его, а также Мидзуно с подружкой на ужин в Уэно, а потом мы отправились в зоопарк полюбоваться цветущими вишнями при вечернем освещении...

— Ты говоришь, этот Мидзуно был с подружкой?

— Да, хотя ей всего пятнадцать... Кстати, в зоопарке ко мне опять-таки прицепился мужчина. Он гулял там с женой и детьми, но бросил их и пошел вслед за мною...

— Почему ты допускаешь такое? — рассердился Арита.

— Допускаю?! Разве в этом моя вина? Я просто шла и с завистью глядела на Мидзуно и его подружку. И так вдруг тоскливо стало на душе...

— Нет, именно ты виновата в том, что привлекаешь к себе мужчин. Тебе это доставляет удовольствие.

— Зачем вы так говорите? Уверяю вас, никакого удовольствия я от этого не испытываю. Накануне я потеряла сумку. Я страшно испугалась мужчины, который шел за мной следом, и ударила его сумкой, а может, кинула ему ее в лицо. Точно не помню — так он меня напугал! А в сумке было много денег. Я как раз возвращалась из банка, где сняла со счета крупную сумму. Мать заняла деньги у знакомых и вручила кому надо, иначе бы брата не приняли в университет. А я хотела отдать их матери, чтобы она возвратила долг.

— Сколько же там было?

— Сто тысяч. — Мияко почему-то назвала половину суммы и, затаив дыхание, ожидала, что на это ответит Арита.

— Н-да, деньги немалые. И этот человек украл их?

Мияко кивнула. Арита почувствовал, как в темноте ее тело содрогается от беззвучных рыданий.

Почему она назвала лишь половину суммы? Из чувства стыда или из опасения, что больше старик не даст? Арита ласково погладил ее. Теперь она знала: половина потерянной суммы будет возмещена, и слезы по-прежнему текли по ее щекам.

— Не расстраивайся. Но учти: если будешь и дальше так вести себя с мужчинами, ты когда-нибудь попадешь в неприятную историю, — мягко упрекнул ее Арита.

Старик уснул, прижавшись щекой к ее ладони. Но к Мияко сон не шел. В крышу стучал ранний летний дождик. Мияко лежала рядом со стариком и думала, что по ровному дыханию спящего никто бы, наверно, не смог правильно определить его возраст. Свободной рукой она приподняла его голову и выпростала из-под нее руку. Он не проснулся. Она глядела на лежащего рядом женоненавистника — он сам себя так называл, — который сладко спал, полностью доверившись ей, и думала, сколь его слова противоречат поступкам. Эта мысль вызвала у нее отвращение к самой себе. Она знала, как Арита ненавидит женщин. Ему было всего тридцать лет, когда жена, приревновав его, наложила на себя руки. С тех пор страх перед женской ревностью настолько глубоко укоренился в его душе, что при малейшем ее проявлении он готов был бежать за тридевять земель. Гордость, как и понимание безысходности ее положения, не позволяла Мияко ревновать к кому-либо Ариту, но ведь она была женщиной, и иногда ревнивые слова внезапно срывались у нее с губ; однако, заметив, какая недовольная гримаса появлялась при этом на лице старика, она мгновенно умолкала, упрекая себя за допущенную слабость. Впрочем, Арита ненавидел женщин не только из-за ревности, которую они проявляли. И не потому, что он был уже слишком стар, чтобы интересоваться ими. Мияко не понимала, как можно ревновать старика, да еще закоренелого женоненавистника. Глупо даже произносить такие слова, как «любит или не любит женщин», когда речь идет об Арите, размышляла Мияко, сравнивая его возраст со своим. Она с завистью подумала о Мидзуно и его подружке. Брат и раньше рассказывал ей, что у Мидзуно есть возлюбленная Матизэ, но Мияко впервые познакомилась с ней лишь в тот день, когда они праздновали поступление Кэйсукэ в университет.

— Никогда не встречал такой чистой и порядочной девочки, — проговорился однажды Кэйсукэ.

— По-видимому, она не по годам развита, если в свои пятнадцать лет уже имеет возлюбленного, — ответила Мияко. — Подумать только, теперь у пятнадцатилетних девушек уже есть дружки. Счастливые! А ты, Кэйсукэ, в самом деле можешь понять, в чем чистота женщины? Ее ведь разглядеть не так просто.

— Могу!

— Скажи мне тогда: в чем она?

— Разве это объяснишь словами...

— Она кажется тебе чистой, потому что ты так о ней думаешь.

— Уверен, ты и сама бы все поняла, когда бы ее увидела.

— Женщины жестоки. У них не такой мягкий характер, как у тебя, Кэйсукэ.

Он запомнил эти слова и, должно быть, потому краснел от смущения и чувствовал себя даже более неловко, чем Мидзуно, когда Мияко пригласила их и впервые познакомилась с Матиэ. Позвать друзей брата к себе Мияко не посчитала возможным и предложила встретиться в доме у матери.

— Она наверняка мне тоже понравится, — сказала Мияко, помогая брату облачиться в новую студенческую форму.

— Ты так считаешь? погоди, я забыл надеть носки. — Кэйсукэ опустился на пол. Мияко присела напротив него, аккуратно расправив голубую плиссированную юбку. — Не забудь поздравить Мидзуно. Кстати, я попросил его привести Матиэ.

— Конечно, поздравлю.

Кажется, Матиэ нравится брату. Мияко с сочувствием поглядела на него.

— Родственники Мидзуно против того, чтобы они встречались. Они написали Матиэ домой и, по мнению ее родителей, допустили в письме грубые и бестактные выражения. Те рассердились и запретили ей встречаться с Мидзуно. Поэтому она придет сюда тайно, — взволнованно сказал Кэйсукэ.

Матиэ была в форменной матроске, какие носят школьницы. Она принесла букетик душистого горошка, чтобы поздравить Кэйсукэ. Цветы поставили в стеклянную вазу на его столе.

Мияко пригласила своих гостей в китайский ресторан в парке Уэно, чтобы заодно поглядеть на цветущие вишни, но там было так много народа, что даже деревья утомленно опустили усыпанные цветами ветви.

И все же они вдоволь налюбовались розовыми цветами при свете фонарей.

То ли Матиэ была от природы молчалива, то ли стеснялась Мияко, но говорила она мало. Правда, пока они бродили по парку, Матиэ рассказала, как приятно поутру глядеть у них в саду на лепестки вишни, осыпавшиеся на кусты азалий. Упомянула и о том, что по дороге к дому Кэйсукэ смотрела на солнце, плывшее между деревьями аллеи, которая протянулась вдоль рва. Солнце было похоже на желток яйца, сваренного всмятку...

На каменной лестнице близ храма Киёмидзу было темно и малоллюдно. Они начали спускаться по ступеням.

— Помню, когда мне было три не то четыре года, мать привела меня сюда, и я повесила на дерево у храма бумажных журавликов. Это чтобы отец поскорее выздоровел, — сказала Мияко.

Матиэ промолчала, но вместе с Мияко остановилась посередине лестницы и долго глядела на Киёмидзу.

По дороге к музею нескончаемой вереницей шли люди, и Матиэ предложила пойти в другую сторону, к зоопарку. Вдоль ступеней, ведущих к храму Тосёгу, жгли костры. Сбоку тянулись каменные фонари, темными силуэтами выделявшиеся на фоне костров. Над фонарями простирали свои ветви цветущие вишни. Те, кто пришел любоваться цветами, садились позади фонарей в кружок на траву, выпивали и закусывали. В центре каждого кружка горели свечи.

Если кто-нибудь из подвыпивших подходил к ним слишком близко, Мидзуно загораживал спиной Матиэ, а Кэйсукэ становился между ними и пьяницей, как бы защищая

обоих. Ухватив брата за руку и стараясь обойти нахального пьяницу, Мияко с удивлением думала: ишь какой смельчак ее Кэйсукэ!

При свете костров лицо Матиэ казалось прекрасным. Взгляд у нее был серьезный, губы плотно сжаты, а цвет лица рисовал в воображении послушницу, молящуюся при свечах.

— Ой! — неожиданно вскрикнула Матиэ и спряталась за спину Мияко.

— Что случилось?

— Там моя школьная подруга... Их дом совсем рядом с нашим.

— Но почему вы должны от нее прятаться? — удивилась Мияко. Она невольно взяла ее за руку и чуть не вскрикнула от восторга, ощутив, какая мягкая и ласковая рука у Матиэ. Ее потрясла необыкновенная красота девушки.

— Матиэ, вы счастливы? — спросила она, пытаясь этими словами выразить свои чувства.

Девушка покачала головой.

— Почему? — удивилась Мияко и заглянула ей в глаза.

В зрачках девушки отражались огни костров.

— Разве такая, как вы, может быть несчастлива?

Матиэ молчала. Рука, которую держала Мияко, безвольно опустилась. Сколько же лет минуло с тех пор, когда она в последний раз гуляла вот так, рука об руку с подругой, подумала Мияко.

Чем дольше она глядела на девушку, тем сильнее ее охватывала невыразимая тоска. Хотелось остаться одной и уйти далеко-далеко. Встретив Матиэ на улице, Мияко, наверное, обернулась бы и долго глядела ей вслед. Неужели мужчины идут по пятам за ней, за Мияко, под влиянием того же самого, а может, и значительно более сильного чувства?..

Звук упавшей на кухне посуды вернул Мияко к действительности. Должно быть, нынче там снова разгуливают мыши. Хорошо, если одна, а может, их там целых три, подумала Мияко, не решаясь встать с постели и пойти на кухню. Представив их мокрые от дождя тельца, она невольно дотронулась ладонью до своих недавно вымытых волос и ощутила их прохладу.

Арита тяжело задышал и пошевелился. Потом стал содрогаться всем телом, что-то мыча. Опять его мучают кошмары, подумала Мияко и, сердито нахмурившись, отодвинулась. Старик часто по ночам видел страшные сны, и она давно уже к этому привыкла. Он судорожно задвигал плечами, словно человек, которого душат, потом выставил руки, пытаясь что-то отстранить, и больно ударил Мияко по шее. Ей следовало бы разбудить его, но она сжалась и замерла, чувствуя, как в ней закипает злость.

— А-а-а... А-а-а! — закричал во сне старик, протягивая руки в поисках Мияко. Обычно, прикоснувшись к ней, он сразу успокаивался, не просыпаясь. Но в эту ночь его разбудил собственный крик.

— Ох! — Арита потряс головой и вплотную придвинулся к Мияко.

Привыкнув к его ночным кошмарам, она даже не удосужилась спросить, как бывало: «Вы так стонали, наверно, вам приснился дурной сон?»

— Я говорил во сне? — с беспокойством спросил Арита.

— Нет, вам, должно быть, приснилось что-то страшное.

— А ты не спала вовсе?

— Нет.

— Спасибо тебе. — Арита притянул к себе руку Мияко и прижался к ней щекой. — Меня особенно изводят кошмары, когда начинается сезон дождей. Наверно, и ты поэтому не могла уснуть, — сказал старик, потом смущенно добавил: — А может, ты проснулась из-за того, что я кричал во сне?

Он и в самом деле так громко стонал, что разбудил Сатико, спавшую на первом этаже.

— Мама, мама! Мне страшно, — зашептала Сатико, прижимаясь к матери. Тацу схватила ее за плечи и оттолкнула.

— Чего испугалась, дуреха? Это наш господин от страха стонет. Из-за своих кошмаров он никогда не спит один. Ты ведь знаешь: когда он отправляется путешествовать, он

непрерывно берет с собой нашу госпожу и очень заботится о ней. Когда он перестанет мучиться во сне, это будет означать, что он совсем состарился и не способен иметь дело с женщинами... Успокойся, ему всего лишь приснился страшный сон.

* * *

По косогору поднимались дети. Они были еще слишком малы, чтобы учиться в школе, — по-видимому, шли домой из детского сада. Двое или трое потешно ковыляли, опираясь на палки. Остальные подражали им, делая вид, будто и у них тоже палки в руках.

Так, ковыляя, они распевали песенку:

Дедушка и бабушка потеряли ноги,
Дедушка и бабушка ходить не могут.

Дети без конца повторяли эти слова, хотя ничего забавного в них не было. Увлеченные своей игрой, они старались ковылять как можно выразительней. Одна девчушка даже не удержалась на ногах и упала.

— Ой, больно! — закричала она и потерла ушибленный бок так, как это делают пожилые женщины. Но, поднявшись на ноги, снова присоединилась к детскому хору:

Дедушка и бабушка потеряли ноги,
Дедушка и бабушка ходить не могут.

Косогор наверху переходил в поросшую травой дамбу, на которой там и сям росли сосны. Сосны были невысокие, их ветви как бы плыли в весеннем вечернем небе, напоминая рисунки на старинных ширмах или фусума.

Дети ковыляли по самой середине дороги. Здесь редко проезжали машины, почти не было прохожих, и ничего не могло помешать их забаве. Даже в Токио еще сохранились кое-где такие тихие места.

Дети ушли, и на косогоре появилась девушка с собакой на поводке. Следом за ней шел Гимпэй.

Девушка поднималась вдоль асфальтированной дороги по тропинке, в тени росших у обочины деревьев гинкго. Деревья росли лишь по одну сторону дороги. Тропинка тоже была одна — там, где деревья. По другую сторону возвышалась каменная ограда. По-видимому, за ней был обширный участок — ограда тянулась до самого верха косогора. Там, где тропинка, в глубине виднелся окруженный высокой стеной особняк, который принадлежал довоенному аристократу. Вдоль стены проходил глубокий ров, по форме напоминавший в миниатюре дворцовый. За рвом на небольшом возвышении росли молодые сосны. Даже теперь было заметно, что в свое время за ними тщательно ухаживали. За соснами виднелась белая каменная ограда с черепичным козырьком. Молодая листва гинкго еще не обрела достаточной густоты и не целиком прикрывала ветви. Тень, отбрасываемая деревьями, местами была глубокой, местами — редкой, оттого что листья были по-разному повернуты к солнцу. Казалось, будто девушка шествовала сквозь зеленый полумрак.

На ней были белый шерстяной свитер и выцветшие джинсы из грубой хлопчатки. Джинсы она подвернула, на внутренней стороне манжет виднелась ярко-красная строчка. Над парусиновыми туфлями проглядывала узкая полоска белой кожи. Кое-как собранные в пучок волосы открывали нежной белизны шею — удивительно красивую. Гимпэй был потрясен неопишуемой прелестью девушки. Одна полоска кожи повыше парусиновых туфель — и та сводила с ума. Его сердце пронзила такая тоска, что он готов был умереть на месте, либо... либо убить эту девушку.

Он вспомнил кузину Яёи из родной деревни и Хисако Тамаки — его ученицу, но обе они не шли ни в какое сравнение с этой девушкой: хотя Яёи и белолица, но ее кожа лишена лоска;

смуглая кожа Хисако прелестна, но ей не хватало чистоты и удивительной нежности, какой обладала кожа этой девушки. Да, не вернуть то время, когда мальчишкой он играл с Яёи, безвозвратно канули в прошлое дни, когда он учительствовал в колледже и влюбился в Хисако... Теперь он чувствовал себя усталым и разбитым. Был тихий весенний вечер, но Гимпэю казалось, будто бредет он против резкого холодного ветра, выбивающего слезы из глаз; косогор был пологий, но ему не хватало дыхания, чтобы его преодолеть. Ноги казались ватными, не слушались его, и он чувствовал, что ему не нагнать девушку. Он еще не разглядел ее лица, а ему так хотелось увидеть его, пойти с ней рядом, хотя бы до вершины косогора, поговорить... ну, хотя бы о собаках. Он знал: другой возможности у него не будет, да и существовала ли она теперь — в этом у него тоже не было уверенности.

Гимпэй помахал правой рукой в воздухе — привычный жест, когда он, прогуливаясь, о чем-то сам с собой спорил. Сейчас этот жест был вызван ощущением, какое он испытал когда-то, сжимая в руке мертвое тельце мыши — ее глаза остекленели, изо рта стекала тонкая струйка крови. Мышь поймал на кухне японский терьер из дома Яёи. Пес держал мышь в зубах и не знал, как дальше с ней поступить. Мать Яёи что-то сказала ему, потом легонько стукнула по голове. Терьер выпустил мышь, но, когда она упала на пол, снова бросился на нее. Яёи подхватила собаку и стала ласково ее увещевать:

— Ты хороший, хороший пес! Молодчина!

Потом она приказала Гимпэю:

— Унеси отсюда эту гадость.

Гимпэй поспешно схватил мышь. Из ее рта упало на пол несколько капелек крови. Гимпэю было неприятно держать в руках еще теплое тельце, хотя в остекленевших глазах зверька было что-то трогательное.

— Поскорее выбрось ее, — сказала Яёи.

— Куда?

— Ну, хотя бы в озеро.

Гимпэй вышел на берег, размахнулся и далеко, на сколько хватило сил, закинул мышь в воду. Из ночной тьмы донесся тихий всплеск. Он кинулся домой, не разбирая дороги. Он был зол на Яёи, заставившую его так поступить: с чего это она приказывает? Яёи всего лишь его кузина! Гимпэю тогда было лет двенадцать или тринадцать. С тех пор ему часто снилось, что его преследуют мыши.

После того как терьер впервые поймал мышь, любые приказания превращались в его голове в одно слово — «мышь!». И он сразу же мчался на кухню, но вначале ничего не замечал, хотя какая-нибудь мышь обязательно пряталась в уголке. Кошачьей сноровки у терьера не было, и он лишь истерически лаял, когда с опозданием видел, как мышь, шмыгнув из шкафчика, быстро взбирается по опорному столбу. Он буквально заболел нервным расстройством, даже цвет глаз изменился. Гимпэй возненавидел пса. Однажды он украл у Яёи иголку с вдетой в нее красной ниткой и стал подстергать терьера, чтобы проткнуть его тонкое ухо. Гимпэй намеревался это сделать перед уходом из дома кухни, рассчитывая, что, когда поднимется шум и в ухе собаки найдут иглу с красной ниткой, все решат, будто это проделка Яёи. Но стоило ему подкрасться к терьеру, как тот с лаем кинулся прочь. Потерпев неудачу, Гимпэй сунул иголку в карман и, вернувшись в дом, изобразил на бумаге собаку и Яёи, потом прошил картинку несколькими красными стежками и спрятал в ящике своего стола...

...Ему вспомнился этот терьер, когда он подумал, не завести ли с девушкой разговор о собаках. Хотя, собственно, что интересного мог Гимпэй рассказать о собаках, которых всей душой ненавидел? Он был уверен: стоит ему подойти, как собака сразу бросится на него. Правда, он не решался приблизиться к девушке совсем по иной причине.

Тем временем она остановилась и отстегнула поводок. Почувяв свободу, собака кинулась вперед, потом вернулась обратно, подскочила, миновав девушку, к Гимпэю и стала обнюхивать его ботинки.

Гимпэй, вскрикнув, отпрянул.

— Фуку, Фуку! — Девушка позвала собаку.

— Помогите, пожалуйста! — взмолился Гимпэй.

— Фуку, ко мне!

Собака подбежала к хозяйке. Гимпэй стоял бледный как мел, боясь шевельнуться.

— Ваша собака напугала меня до смерти! — пробормотал Гимпэй, присев на корточки. Он специально преувеличил свой испуг, чтобы привлечь внимание девушки, хотя и в самом деле испугался. Сердце бешено колотилось в груди. Прикрыв лицо руками, он сквозь пальцы исподтишка наблюдал за девушкой. Она прицепила поводок к ошейнику и, как ни в чем не бывало, стала подниматься по косогору, даже не оглянувшись. Неудержимая злоба охватила его из-за испытанного унижения. Наверное, собака стала обнюхивать его ботинки, почувствовав, какие у него уродливые ноги, подумал он.

— погоди, скотина, я и тебе проткну уши иголкой, — пробормотал Гимпэй и поспешил за девушкой. Но как только он догнал ее, вся его злоба мгновенно испарилась.

— Барышня... — заговорил он сразу охрипшим голосом.

Девушка обернулась. Собранные в пучок волосы откинулись, обнажив удивительной красоты шею. Бледное лицо Гимпэя мгновенно вспыхнуло.

— Какая у вас симпатичная собачка, барышня! Не скажете, что за порода?

— Японская сиба.

— Откуда она?

— Из Косю.

— Собака принадлежит вам? Вы всегда прогуливаетесь с ней здесь?

— Да.

— Вдоль этой дороги?

Девушка не ответила. Он поглядел назад, гадая, в каком из видневшихся внизу особняков она живет. Наверное, она воспитывается в мирной, счастливой семье, в доме, окруженном деревьями с молодой листвой, подумал он.

— Ваша собака ловит мышей?

Девушка даже не улыбнулась в ответ.

— Вообще-то ловля мышей — занятие для кошек, а собакам нет до этого дела. Но есть и собаки, которые их ловят. Много лет назад у нас дома была такая. Она ловила мышей очень искусно.

Девушка и не взглянула на Гимпэя.

— Собака — не то, что кошка. Она, если даже поймает мышь, ее не ест. Знаете, однажды, когда я был еще несмышленным мальчишкой, мне приказали выброситьдохлую мышь. Это было отвратительно.

Гимпэй сам себе удивлялся: с какой стати он рассказывает столь неприятную историю, — нодохлая мышь со стружкой крови у рта стояла перед глазами, и он ничего не мог с собой поделать.

— Тот пес был из породы терьеров, с тонкими, кривыми и почему-то всегда трясущимися лапами. Противный пес! Правда, собаки есть разные — как и люди. Как должна быть счастлива ваша сиба, что ей позволено сопровождать вас...

По-видимому, Гимпэй позабыл о недавно испытанном страхе. Он наклонился к собаке и хотел было погладить, но девушка поспешно перекинула поводок в другую руку и отвела от него свою сибу. Провожая собаку взглядом, Гимпэй с трудом подавил вспыхнувшее в нем желание обнять ноги девушки. Внезапно ему пришло в голову, что, если она будет каждый вечер прогуливаться здесь с собакой в тени гинкго, он сможет любоваться ею из укромного местечка на дамбе. Эта мысль явилась словно светлый луч надежды, и он, в последний момент сдержавшись, не совершил неприличный поступок.

Гимпэю представилось вдруг, что он лежит нагой на свежей зеленой траве, всем своим существом ощущая прохладу и успокоение. Да, он будет любоваться ею с дамбы, а она всегда, вечно будет подниматься по склону ему навстречу... Счастье, испытанное им в этот миг, не знало предела.

— Простите меня, барышня, за бестактность. Ваша собачка хороша. Я и сам люблю

собак... за исключением, тех, которые ловят мышей. Таких я не терплю.

Девушка осталась безразличной к его красноречию. Достигнув вершины косогора, она перебралась на дамбу, поросшую молодой, травой. Там ее ожидал юноша — по виду студент. У Гимпэя даже потемнело в глазах, когда он заметил, что девушка первой протянула ему руку. Вот как? Родителям, наверное, говорит, будто отправляется на прогулку с собакой, а сама — на свидание...

Гимпэй увидел, как черные глаза девушки увлажнились и в них засверкала любовь. Неожиданное открытие ошеломило его. Вообразив, будто ее глаза превратились в два черных озера, он захотел окунуться нагим в ее чистые глаза, плыть и плыть по этим черным озерам. Это странное желание неожиданно сменилось тоской. Он побрел по косогору, пока не достиг дамбы. Там он улегся на траву и стал глядеть в небо.

Юношей был Мидзуно — друг младшего брата Мияко, назначивший здесь свидание Матиэ. Эта встреча, невольным свидетелем которой оказался Гимпэй, произошла дней за десять до того, как Мияко пригласила их в китайский ресторан в Уэно.

Влажный блеск черных глаз Матиэ не оставил равнодушным Мидзуно. Казалось, будто ее глаза состоят из одних зрачков.

— Мечтаю увидеть тебя, когда ты просыпаешься, — прошептал он, восхищенно глядя на девушку. Его взгляд утонул в глубине ее глаз. — До чего прекрасны должны быть твои глаза, когда ты раскрываешь их по утрам!

— Они сонные...

— Нет, неправда!.. Знаешь, как только я просыпаюсь, мне в ту же минуту хочется тебя видеть.

Матиэ кивнула.

— А вижу я тебя в школе только через два часа.

— Ты мне уже говорил об этом. С тех пор и моей первой мыслью, когда я просыпаюсь, стало: «...через два часа».

— Значит, у тебя утром не сонные глаза!

— Сама не знаю.

— Прекрасен мир, когда в нем живут девушки с такими чудными глазами!

Глубокие, черные глаза Матиэ еще больше подчеркивали красоту ее бровей и губ. Их блеск придавал новое очарование и волосам.

— Ты дома сказала, что пойдешь прогуляться с собакой? — спросил Мидзуно.

— Я ничего не говорила. Я ведь взяла Фуку с собой — этого достаточно. Да и по одежде, которую я надела, родителям было ясно, куда я собралась.

— Опасно назначать свидание так близко от твоего дома.

— Мне неприятно обманывать родителей. Не будь собаки, я вообще не могла бы выйти из дома. А если бы это и удавалось, они обо всем догадывались бы по моему лицу — я ничего не умею скрывать. Но мне кажется, скорее не мои родители, а твои против того, чтобы мы встречались. Разве не так?

— Не будем говорить об этом. Ты и я пришли сюда из своих домов и вернемся к себе. Стоит ли сейчас вспоминать о наших родителях?.. Тебе, наверно, нельзя долго здесь оставаться, раз ты вышла только на прогулку с собакой?

Матиэ кивнула. Они уселись рядышком на молодую траву, и Мидзуно взял собаку на колени.

— Фуку тоже привыкла к тебе.

— Если бы она умела говорить и рассказала дома о наших свиданиях, мы не смогли бы больше встречаться.

— Все равно я буду ждать, если даже наши встречи прервутся. Я постараюсь обязательно поступить в твой университет. И тогда по-прежнему мы будем видеться «через два часа» после того, как проснемся.

— Через два часа... — пробормотал Мидзуно. — Наступит время, когда и два часа не

надо будет ждать. Обязательно наступит.

— Мама говорит, мы слишком рано стали встречаться. Она не верит, что у нас серьезно. А я счастлива, что познакомилась с тобой так рано. Лучше бы еще раньше: в средней школе или даже в начальной... Я бы обязательно тебя полюбила, если бы мы повстречались даже тогда, когда ты был совсем маленьким. Меня еще малюткой приносили сюда и пускали играть на траве. А тебе не доводилось в детстве бывать на этом косогоре?

— Что-то не припомню.

— Правда? А я часто думаю: не встречалась ли я здесь с тобою еще тогда? Может, поэтому теперь так тебя полюбила...

— Да, жаль, что в детстве я здесь не гулял по этому склону...

— Все говорили, что я была очень милым ребенком, и даже незнакомые останавливались и брали меня на руки. Глаза у меня тогда были большие и круглые. — Матиэ глядела на Мидзуно широко раскрытыми черными глазами. — Знаешь, там, где начинается косогор, если повернуть направо, есть широкий ров с водой и лодочная станция. Недавно я гуляла там с собакой — это было вскоре после выпускных экзаменов в средних школах. Юноши и девушки, окончившие школу, катались на лодках, и в руках у них были свернутые в трубочку дипломы. Они праздновали окончание школы, и я им позавидовала. Некоторые девочки стояли на мосту и, склонившись над перилами, глядели на своих друзей и подруг в лодках. Мы с тобой еще не были знакомы, когда я окончила среднюю школу. Наверно, в ту пору ты гулял с другими девочками?

— Других у меня не было.

— Что-то не верится... — Матиэ с сомнением наклонила голову. — Зимой, до открытия лодочного сезона, этот ров затянут льдом и на него садятся утки. Помню, в детстве я часто задумывалась: каким уткам бывает холоднее — тем, что садятся на воду, или тем, что на лед? Днем они прилетают сюда, спасаясь от охотников, а вечером возвращаются в горы к своим озерам...

— Да? Я этого не знал.

— Мне нравилось глядеть на первомайские шествия с красными флагами по улице, где ходит трамвай. Как это красиво: красные флаги плывут на фоне молодой листвы гинкго!

Широкий ров пониже дамбы, на которой они сидели, засыпали, и теперь там было поле, где по вечерам тренировались игроки в гольф. Подальше, вдоль улицы, тянулась аллея гинкго, их темные стволы под шапками молодой листвы резко выделялись на фоне заходящего солнца, а над деревьями простиралось небо, словно окутанное розовым туманом. Матиэ гладила собачку, сидевшую на коленях у Мидзуно. Он нежно взял в свои ладони ее руку.

— Я, пока ждал тебя, лег на траву и закрыл глаза. И мне казалось, будто я слышу далекую тихую мелодию.

— Какую?

— Вроде бы похожа была на «Кими-га ё»².

— Неужели? — удивилась Матиэ.

— Я слушаю этот гимн каждый вечер по радио.

— А я каждый вечер перед сном желаю тебе спокойной ночи.

Матиэ ничего не сказала ему о Гимпэе. Она просто уже забыла о том, что с ней заговаривал странного вида человек. Внимательно приглядевшись, она могла бы заметить Гимпэя, лежащего на траве, но и в этом случае вряд ли бы его узнала. Гимпэй же не мог удержаться, чтобы не поглядывать в их сторону. Трава холодила спину. Наступило время, когда сменяли зимние пальто на демисезонные, но у него не было ни того, ни другого. Гимпэй повернулся на бок, лицом к Матиэ и Мидзуно. В его душе не было ненависти, скорее, он просто завидовал их счастью. Он закрыл глаза, и ему явилось видение: оба медленно плывут по воде, охваченные языками пламени. Он воспринял это как предзнаменование, что их

² «Кими-га ё» — государственный гимн Японии.

счастье будет недолгим...

— Гимпэй, твоя мать настоящая красавица. Какие чудесные у нее зубы, когда она улыбается, — услышал он голос Яёи. Они сидели рядом на берегу озера под цветущими дикими вишнями. Цветы отражались в воде, в кронах деревьев щебетали птицы.

Яёи не могла понять, как такая красавица согласилась выйти замуж за его уродца отца.

— У моего отца, кроме твоей матери, других сестер и братьев нет. Он часто говорит: теперь, когда твой отец умер, ей и тебе следовало бы перебраться к нам.

— Я не хочу! — закричал Гимпэй и покраснел.

Он так ответил потому, что боялся потерять мать или же стеснялся той радости, какую сулила ему жизнь под одной крышей с Яёи. А может быть, по обоим причинам сразу.

В то время в доме Гимпэя жили еще его дедушка с бабушкой, а также разведенная сестра отца. Ему было десять лет, когда отец утонул в озере. Отца вытащили на берег. На голове у него была глубокая рана, поэтому сперва предположили, что его кто-то убил и бросил в озеро. Правда, в легких оказалась вода, и тогда выдвинули версию, будто он сам утонул; но все же многие подозревали, что он с кем-то поссорился на берегу и его сбросили в озеро. В семействе же Яёи поговаривали о том, что отец Гимпэя специально приехал в деревню своей жены и там наложил на себя руки, чтобы им досадить. Десятилетний Гимпэй решил во что бы то ни стало найти убийцу отца. Когда он приходил в родную деревню матери, он нередко забирался в кусты близ того места, где вытащили из озера отца, и следил за прохожими. Он считал, что убийца, проходя мимо этого места, обязательно должен чем-то себя выдать. Однажды он увидел человека, погонявшего корову. Около кустов хаги она вдруг словно взбесилась. Гимпэй наблюдал за ней, затаив дыхание: должно быть, именно там убили отца. Позже он сорвал с куста несколько белых цветков, засушил в книге и поклялся отомстить убийце.

— Мать тоже не хочет переезжать к вам, — решительно сказал Гимпэй. — Ведь моего отца убили в вашей деревне.

Яёи с удивлением взглянула на побледневшего Гимпэя.

Она еще не говорила ему, что среди жителей деревни ходят слухи, будто на берегу озера появляется призрак. Когда идешь по берегу у того места, где погиб его отец, слышатся чьи-то шаги; оглянешься — никого нет; побежишь — шаги отдаляются. Призрак не способен догнать бегущего — так говорили люди.

Птичка, щебетавшая на верхушке дикой вишни, слетела на нижнюю ветку. Даже этот звук привел Яёи в смятение — она решила, что появился призрак.

— Вернемся домой, Гимпэй. Цветы вишни так странно отражаются в озере. Мне страшно, — прошептала она.

— Ничего не вижу в этом страшного.

— Просто ты глядишь невнимательно.

— Но ведь это красиво.

Гимпэй ухватил за руку поднявшуюся было Яёи и потянул к себе. Она не удержалась и упала на него.

— Гимпэй! — вскрикнула Яёи, быстро поднялась и кинулась бежать. Полы ее кимоно распахнулись. Гимпэй помчался за ней следом. Девочка остановилась, переводя дыхание, и прижалась к нему.

— Гимпэй, переезжай к нам вместе с матерью, — прошептала она.

— Не хочу, не хочу, — упрямо твердил он, крепко прижимая к себе Яёи, и расплакался. Яёи удивленно поглядела на него. Подождав немного, она сказала:

— Твоя мать говорила моему отцу: если она останется в вашем доме, она умрет. Я сама слышала...

То был единственный раз, когда Гимпэй держал Яёи в объятьях.

Семья Яёи, где родилась мать Гимпэя, была родовитой и пользовалась известностью во всей округе. Лишь много лет спустя у Гимпэя зародилось подозрение, что с матерью, по видимому, в молодости что-то случилось, иначе она не согласилась бы на неравный брак с отцом, родители которого были более низкого происхождения. К тому времени мать уже

вернулась в родную деревню. Вскоре она умерла от туберкулеза, и Гимпэй, который учился в Токио и едва сводил концы с концами, остался даже без тех грошей, которые она ему присылала. Дед его тоже умер, и теперь в доме жили только бабушка и тетка. До него доходили слухи, что тетку бросил муж и она поселилась у них в доме вместе с дочерью. Он годами не переписывался с родными и даже не знал, вышла ли ее дочь замуж.

Сейчас, когда он лежал в траве и наблюдал за Матиэ и ее возлюбленным, в нем вдруг с новой силой вспыхнула жажда мести, которую он испытал когда-то, сидя в кустах близ деревни Яёи. Гимпэй давно уже серьезно не думал о мести за убийство отца. Убийца, если он где-то и существовал, превратился в дряхлого старика. Допустим, он бы нашел этого старика и заставил его признаться в убийстве — принесло ли бы это ему облегчение? Да и способен ли он теперь вернуть свои юные годы и стать похожим на этих сидящих на траве влюбленных? Ему вспомнились цветы дикой вишни, отражавшиеся в озере близ деревни, где жила Яёи. Гимпэй закрыл глаза, и перед ним возникло лицо матери.

Тем временем девушка с собакой спустилась с дамбы и пошла вниз по дороге. Снова открыв глаза, он увидел лишь студента, провожавшего взглядом Матиэ. Гимпэй вскочил на ноги и стал глядеть ей вслед. Тени под гинкго сгустились. На дороге никого не было, и девушка шла не оглядываясь. Собака натягивала поводок — спешила домой. Было приятно глядеть, как девушка мелкими шажками поспевала за собакой. Радуюсь мысли о том, что завтрашним вечером она снова придет сюда, Гимпэй, насвистывая, направился в ту сторону, где стоял Мидзуно.

— Приятно провел время? — обратился к нему Гимпэй.

Мидзуно отвернулся.

— Оглох, что ли? Я спрашиваю: приятно провел время?

Мидзуно нахмурился и в упор поглядел на Гимпэя.

— Чего глядишь на меня волком? Давай лучше сядем и поговорим. Я просто человек, который завидует счастливым. Только и всего.

Мидзуно повернулся к нему спиной и пошел.

— Куда же ты бежишь? Я ведь сказал, что хочу поговорить с тобой.

— Вовсе я не бегу, но мне не о чем с вами разговаривать, — ответил Мидзуно.

— Наверно, решил, что я буду тебя шантажировать? У меня такого намерения нет. Ну садись, что ли.

Мидзуно стоял, не двигаясь.

— Я подумал: какая красавица твоя возлюбленная! Понимаю, тебе не нравится то, что я говорю. Но она в самом деле приятная девчушка. Тебе, брат, счастье привалило.

— А вам-то какое дело до этого?

— Да никакого, просто захотелось побеседовать со счастливым человеком. Честно говоря, она показалась мне фантастически красивой, и я захотел ее догнать... И очень удивился, когда понял, что она шла на свидание с тобой.

Мидзуно отвернулся и хотел было уйти, но Гимпэй ухватил его сзади за плечо:

— Давай все же побеседуем.

— Идиот! — не выдержав, закричал Мидзуно и резко оттолкнул его.

Гимпэй покатился с дамбы вниз, на дорогу. По-видимому, он сильно ушиб правое плечо. Он приподнялся и сел на асфальт, скрестив ноги и поглаживая ушибленное место. Когда он снова вскарабкался на дамбу, Мидзуно там не было. Тяжело кряхтя, Гимпэй опустился на землю и понурил голову.

Сейчас он и сам не понимал, зачем ему понадобилось заводить разговор со студентом, после того как девушка ушла. Правда, он ничего плохого не замыслил, когда, насвистывая, приблизился к этому юноше. Ведь он хотел только сказать, как прекрасна его подружка, и, если бы парень оказался более покладистым, мог бы поведать ему кое-что такое о ее красоте, о чем тот еще не догадывался. Только нельзя было так глупо начинать разговор: «Приятно провел время?» У Гимпэя от досады чуть не выступили слезы: до чего же он стал слаб, если свалился от толчка! Он сидел, сжимая в кулаке пучок травы, и не переставал поглаживать

ушибленное плечо. Розовое вечернее небо смутно отражалось в его сузившихся глазах.

С завтрашнего дня девушка с собакой уже не станет гулять по этому косогору. Хотя, кто знает... Студент, может быть, и не успеет до завтра сообщить ей о случившемся, и она вновь сюда придет и будет бродить по тропинке в тени гинкго. Но что из того? Студент, без сомнения, его запомнил, и отныне ему нельзя показываться ни на косогоре, ни на дамбе. Гимпэй огляделся вокруг, подыскивая место, где можно было бы спрятаться, но не нашел. Перед его мысленным взором предстала фигурка девушки в белом свитере и джинсах с подвернутыми манжетами, простроченными алыми нитками. Фигурка все более отдалялась, теряя свои очертания. Внезапно все вокруг заволочло розовым...

— Хисако, Хисако! — хриплым голосом позвал Гимпэй. Однажды, когда он ехал в такси на свидание с Хисако, небо почему-то показалось ему розовым, хотя до вечера было еще далеко — три часа дня. Когда он глядел сквозь закрытое боковое стекло, небо виделось ему голубым, но из окошка шофера с опущенным стеклом оно было иного оттенка.

— Не кажется ли вам, что небо розовое? — спросил он, наклоняясь к шоферу.

— Вроде бы, — протянул шофер, давая понять, что ему совершенно безразлично, какого цвета небо.

— У него в самом деле розовый оттенок. С чего бы это? Может, у меня что-то с глазами?

Близко наклонившись к шоферу, Гимпэй почувствовал запах его старой одежды.

С тех пор Гимпэй всякий раз, когда ехал в такси, никак не мог отделаться от ощущения, будто видит два мира: голубой и розовый. Сквозь стекло он казался ему голубым, через открытое окно около шофера — розовым. Только и всего. Но Гимпэй пришел к убеждению, что небо и стены домов, дорога и стволы деревьев могут совершенно неожиданно приобретать розовый оттенок. Весной и осенью стекла в салоне такси, где сидят пассажиры, как правило, бывают закрыты, а рядом с шофером — опущены. И хотя финансовые возможности не позволяли Гимпэю постоянно пользоваться такси, всякий раз, когда он садился в машину, он все сильнее ощущал эти два мира: голубой и розовый. И постепенно он приучил себя к тому, что для шоферов мир — теплый и розовый, а для пассажиров — холодный и голубой. Гимпэй был пассажиром. Конечно, мир кажется чище и прозрачней, когда глядишь на него сквозь стекло. По-видимому, пыль, которой насыщен воздух, придает небу и улицам Токио розоватый оттенок. Подавшись вперед и опираясь локтями о спинку сиденья шофера, Гимпэй взирал на розовый мир. Его выводит из себя тепловатый застойный воздух. Хочется наорать на таксиста, вцепиться в него. Несомненно, это вызвано желанием восстать против чего-то, бросить кому-то вызов. Но если бы он на самом деле вцепился в таксиста, люди решили бы, что он сошел с ума. Таксисты не пугаются его беспокойного лица и, даже когда он сзади наваливается на спинку их сиденья, не обращают на это внимания. Ведь небо и город казались ему розовыми задолго до наступления заката, когда кругом люди и можно не опасаться нападения.

Впервые он заметил существование двух миров — голубого и розового, — когда ехал на свидание с Хисако. Наклонившись к таксисту, Гимпэй ощутил запах его старой одежды, напомнивший ему запах голубого форменного платья Хисако. С тех пор всякий раз, садясь в такси, он вспоминал Хисако, и ему казалось, будто от каждого таксиста пахнет Хисако — даже если тот был одет во все новое.

Когда Гимпэй впервые увидел небо в розовом цвете, он уже не был учителем. Его уволили, а Хисако перевелась в другой колледж, и они встречались тайно. Опасаясь, что могут прозвать об их свиданиях, Гимпэй предупредил Хисако еще до того, как они стали встречаться:

— Ни в коем случае не рассказывай Онде. Пусть это будет только наша тайна — твоя и моя.

Хисако покраснела, словно они уже на свидании.

— Хранить тайну приятно и радостно, но, раз проговорившись, жди возмездия.

Хисако, с милыми ямочками на щеках, поглядела снизу вверх на Гимпэя. Они стояли в углу коридора недалеко от классной комнаты. За окном девочка, ухватившись за ветку

вишни, раскачивалась на ней, словно на турнике. Ветка так сильно тряслась, что до них доносился шелест листьев.

— У любящих не бывает друзей. Сейчас для нас даже Онда — враг. Она — глаза и уши чужого мира.

— Но я, наверно, все же ей расскажу.

— Ни в коем случае! — Гимпэй испуганно огляделся по сторонам.

— Боюсь, не выдержу. Если она с сочувственным видом начнет меня расспрашивать, отчего я такая, что случилось, я могу проговориться.

— Тебе ни к чему это дружеское сочувствие! — возвысил голос Гимпэй.

— Когда я встречаюсь с Ондой и погляжу ей в глаза, обязательно расплачусь. Вот и вчера я вернулась домой с распухшими от слез глазами, смачивала их водой, но никак не могла привести себя в порядок. Летом, когда в холодильнике есть лед, это проще...

— Не говори глупости.

— Но мне так тяжело на сердце.

— Покажи-ка свои глаза.

Хисако кротко поглядела на него — девушке очень хотелось, чтобы он сам заглянул ей в глаза. Он ощутил ее так близко от себя, что умолк, не в силах произнести хоть слово.

Еще до того, как Гимпэй окончательно сблизился с Хисако, он пытался расспросить Онду о семействе своей возлюбленной. Ведь, по словам Хисако, у нее не было от подруги секретов.

Но добиться доверия у Онды оказалось не просто. Она была хорошей ученицей, но всегда держалась независимо и настороженно.

Однажды Гимпэй читал вслух ученицам своего класса выдержки из книги Юкити Фукудзава «Социальные отношения между мужчинами и женщинами». Он начал с юмористического абзаца: «Пройдя два или три тѐ, супруги могут пойти рядом». И дальше продолжал: «Например, до сих пор еще можно столкнуться с абсурдным анахронизмом, когда свекор и свекровь смотрят косо на молодую невестку, ежели та чересчур открыто убивается по случаю отъезда мужа, а теща и теща выражают свое неудовольствие, ежели молодой зять слишком много ухаживает за больной женой».

Большинство девочек, выслушав этот пассаж, громко рассмеялись. Не смеялась только Онда.

— А вам, мисс Онда, не смешно? — спросил Гимпэй.

Та не ответила.

— Вам не показалось это забавным?

— Ничуть.

— Но все остальные смеялись. Почему бы не присоединиться к ним, если даже лично вы не видите в этом ничего смешного?

— Не хочу! Я не против того, чтобы повеселиться вместе со всеми, но было бы странно смеяться как бы вдогонку, после того как все замолчали.

— Вы уклоняетесь от прямого ответа, — рассердился Гимпэй; потом, обращаясь к классу, сказал: — Мисс Онда не смешно, а вам?

В классе воцарилась тишина. Гимпэй продолжал:

— Она не видит в этой выдержке ничего смешного. Юкити Фукудзава писал свою книгу в 1896 году. Но сейчас, особенно после войны, эти правила в самом деле звучат смешно, а вот мисс Онда так не считает. Мне ее отношение кажется по меньшей мере странным. — Прервав свои рассуждения, Гимпэй с насмешкой спросил: — Кто из вас хоть раз видел, чтобы мисс Онда смеялась?

— Я видела.

— И я.

— Да она настоящая хохотушка!..

Позднее Гимпэй пришел к мысли, что Онду к Хисако влекла та самая неодолимая сила, которая, по-видимому, и его заставила преследовать Хисако, а ее — принять его

домогательства. В Хисако тогда мгновенно, словно от электрического разряда, проснулась женщина. Даже Гимпэй был поражен страстностью, с какой она отдалась ему, и долго еще после этого размышлял: неужели и другие девушки такие?

Хисако была первой женщиной, которую он познал. Те дни, когда они полюбили друг друга, Гимпэй считал самым счастливым временем в своей жизни. Еще когда был жив отец, Гимпэй влюбился в свою кузину Яёи, но то чистое чувство было чересчур детским, чтобы считать его настоящей любовью.

Гимпэй по сей день помнил сон, который видел, когда ему было лет девять или десять. Он рассказал об этом сне своим близким, и они наперебой стали хвалить его, предвещая большое будущее.

Ему приснился дирижабль, плывущий в небе высоко над иссиня-черными морскими волнами близ его деревни. Он пригляделся и увидел, что это вовсе не дирижабль, а огромный морской окунь, выпрыгнувший из волн и паривший в небе. Потом появились и другие... Там и сям они выскакивали из воды. «Глядите, какой большой окунь!» — закричал Гимпэй и проснулся.

— Тебе приснился замечательный, вещий сон, Гимпэй. Он означает, что тебя ждет блестящее будущее, — говорили ему. Накануне Яёи подарила ему книжку, в которой на картинке был изображен дирижабль. Гимпэй ни разу в жизни не видел настоящего дирижабля, хотя в те годы ими еще пользовались. Потом наступил век самолетов, и дирижабли исчезли. Как давно это было, когда он увидел сон о дирижабле и морском окуне! Сам Гимпэй расценил свой сон не как намек на карьеру, а как знамение, предвещавшее, что он женится на Яёи. Но в реальной жизни успех ему не сопутствовал. Даже если бы он не потерял место учителя в колледже, у него не было никаких перспектив сделать карьеру. Ему не хватало сил выпрыгнуть из человеческих волн, как выпрыгнул в его сне из моря окунь, не оказался он и достаточно способным к тому, чтобы воспарить в небе над головами людей. Счастье, какое он испытал в тайной любви к Хисако, оказалось коротким, и беда пришла слишком быстро. Как он и предсказывал Хисако, тайна, о которой она проговорилась Онде, обернулась дьявольской мстостью. Разоблачение, сделанное Ондой, было жестоким.

С тех пор как Гимпэй узнал, что Хисако рассказала Онде об их отношениях, он старался на занятиях не глядеть на свою возлюбленную. Его взгляд помимо воли притягивало к месту, где сидела Онда. Однажды он встретился с ней на школьном дворе и стал уговаривать, чтобы она сохранила тайну, даже угрожал ей. Она отказалась, обвинив его не столько из чувства справедливости, сколько из интуитивного ощущения его вины. Именно за это она его ненавидела.

Гимпэй попытался объяснить Онде, как дорога ему любовь Хисако, на что та с присущей ей прямоотой ответила:

— Учитель, вы — бесчестный человек.

— Ты сама бесчестная личность! Что может быть бесчестней, чем разглашение тайны, которую доверили тебе одной?! В тебе, наверно, сидит какое-то ядовитое насекомое — сколопендра или скорпион.

— Я никому не рассказывала о ваших отношениях.

Но вскоре Онда отправила анонимные письма директору колледжа и отцу Хисако, подписавшись: «Скорпион».

Отныне Гимпэй мог лишь тайно встречаться с Хисако. Особняк, который приобрел ее отец после войны, находился в бывшем пригороде Токио, а в их прежний дом в районе Яманотэ попала бомба, и он сгорел. Осталась лишь наполовину разрушенная каменная ограда. Вот это-то место и избрала Хисако для их свиданий. Здесь, за оградой, навряд ли кто-нибудь смог бы их обнаружить. На пустырях в этом квартале бывших фешенебельных особняков быстро выросли новые дома, и здесь стало не так опасно и жутко, как в ту пору, когда весь район лежал в руинах. Трава за оградой была достаточно высока, чтобы скрыть влюбленных от любопытных глаз. Кроме того, Хисако — тогда еще молоденькая школьница — чувствовала себя здесь, на месте ее прежнего дома, в безопасности.

Хисако не решалась теперь писать Гимпэю, а он тем более не мог отправлять ей письма или звонить по телефону домой или в колледж. Обращаться к кому-либо с просьбой передать ей письмо или записку он тоже считал опасным и поэтому фактически был лишен всякой возможности поддерживать с ней связь. Они договорились писать свои письма мелом на внутренней стороне заросшей травой ограды. Здесь вряд ли кто-либо мог обнаружить их послания. Правда, мелом там много не напишешь, и своеобразные письма Гимпэя состояли главным образом из цифр — дата и час, когда бы он хотел встретиться с Хисако. Гимпэй время от времени заглядывал сюда, чтобы, прочитав ответное послание девушки, узнать, сумеет ли она прийти в назначенный час. Она приходила к ограде и оставляла свой тайный знак, хотя могла бы в ответ послать ему письмо с нарочным или телеграмму.

В тот день, когда Гимпэй, сидя в такси, открыл для себя голубой и розовый мир, о свидании попросила Хисако. Она ждала его, спрятавшись в траве у ограды. Однажды он ей сказал: «Судя по высоте ограды, твой отец чуждался людей. Наверное, сверху она была утыкана гвоздями и битым стеклом». Из построенных вокруг одноэтажных домов заглянуть во двор было невозможно. Даже со второго этажа единственного здесь двухэтажного дома треть участка оставалась вне поля зрения. Зная об этом, Хисако выбрала укромный уголок поблизости от ограды. Ворота, по-видимому, были деревянные и сгорели. Участок не продавался, и сюда никто не заходил — ни чтобы прицениться, ни просто из любопытства. Поэтому Гимпэй и Хисако могли спокойно встречаться здесь даже днем.

— Ты зашла сюда по дороге домой? — Гимпэй положил ей руку на голову, потом притянул к себе, зажав в ладонях ее побледневшие щеки.

— Учитель, у нас очень мало времени. Родители точно высчитали, сколько минут мне требуется, чтобы добраться от колледжа до дома.

— Так...

— Они не разрешили мне даже остаться после занятий на лекцию, посвященную «Повести о доме Тайра»³.

— Не может быть! Значит, ты уже давно ждешь? И вот так все время на корточках? Наверно, ноги затекли! — Гимпэй усадил ее к себе на колени, но Хисако, стесняясь дневного света, соскользнула на землю.

— Учитель, вот... возьмите.

— Что это? Деньги?.. Откуда они у тебя?

— Я украла их для вас. — Ее глаза радостно сияли. — Здесь двадцать семь тысяч иен.

— Это деньги твоего отца?

— Я нашла их в комнате матери.

— Мне не нужны деньги. Положи их обратно, пока не узнали о пропаже.

— Если они узнают, я подожгу дом.

— Не уподобляй себя Осити из овощной лавки...⁴ Слышанное ли дело: из-за двадцати семи тысяч иен поджечь дом стоимостью более десяти миллионов!

— Думаю, мать не станет поднимать шум — эти деньги она припрятала от отца, и он о них ничего не знает. Прежде чем их забрать, я все хорошенько обдумала. А возвращать взятое — опасно. Я обязательно начну трястись от страха, сделаю что-то не так, и меня поймают.

Уже не в первый раз Хисако воровала деньги для Гимпэя, хотя он об этом сам не просил.

— Зачем ты это делаешь? — упрекнул ее Гимпэй. — Я ведь не умираю от голода.

³ «Повесть о доме Тайра» — средневековое повествование о расцвете и падении одного из крупнейших феодальных кланов Японии.

⁴ В 1682 г. во время большого пожара в Эдо (нынешний Токио) дочь владельца овощной лавки Осити влюбилась в юного послушника в храме, куда она прибежала, спасаясь от огня. Любовь ее была столь сильна, что вскоре она сама подожгла свой дом, чтобы, спасаясь, прибежать в храм и вновь встретиться с возлюбленным. Ее осудили и отправили в тюрьму за поджог. Этот факт использовал известный японский писатель Ихара Сайкаку в повести «Пять женщин, предавшихся любви», он послужил сюжетом и для ряда пьес Кабуки.

Секретарь господина Ариты — президента одной компании, — мой давнишний друг еще со студенческих времен, часто заказывает мне писать для его начальника доклады. Этого заработка мне хватает на то, чтобы сводить концы с концами.

— Господин Арита... А как его имя?

— Отодзи Арита. Совсем дряхлый старик.

— Боже мой! Да ведь этот Арита — председатель попечительского совета в новом колледже! Мой отец именно к нему обратился с просьбой, чтобы меня перевели туда.

— В самом деле?

— Значит, вы писали для господина Ариты и речи, с которыми он выступал в нашем колледже? Вот уж не знала!

— Такова жизнь.

— Да, такова жизнь... Знаете, иногда в лунные ночи я люблюсь на полную луну и думаю: может быть, и вы в этот час глядите на нее... А в ветреные, дождливые дни меня охватывает беспокойство: каково вам там одному, в вашем жилище?

— Секретарь Ариты рассказывал мне, что старик страдает странным видом фобии, и просил меня по возможности не употреблять в речах, которые я для него пишу, слова «жена» или «брак». А мне-то подобные слова представлялись вполне уместными для речей, которые произносились в женском колледже. С ним не случались во время выступлений приступы неврастении?

— Не замечала.

— Должно быть, так. На людях неврастеник себя сдерживает, — пробормотал Гимпэй.

— А какие они — неврастеники?

— Разные. Может быть, мы тоже принадлежим к их числу. Хочешь, покажу, каким бывает приступ неврастении? — Гимпэй протянул к ней руки и закрыл глаза. Перед его мысленным взором возникло пшеничное поле близ родной деревни. Женщина на неоседланной лошади едет по меже через поле. На ее шее белое полотенце, завязанное спереди узлом...

— Да-да, учитель, задушите меня, я не хочу возвращаться домой! — жарко зашептала Хисако.

Гимпэй с удивлением обнаружил, что его пальцы сжимают шею девушки. Он протянул к шее Хисако другую руку, как будто намеревался измерить ее. Пальцы соединились на затылке... Опомившись, он сунул деньги ей за пазуху. Она отшатнулась.

— Будь послушной и забери эти деньги домой... Боюсь, все кончится тем, что ты или я совершим преступление, если и дальше будем заниматься такими делами. Онда и так уже окрестила меня преступником. Она в своем письме объявила, что я лжец и темная личность и, вне всякого сомнения, совершил в прошлом много нехороших поступков... Ты ведь знаешь о ее письме? Давно видела Ондю?

— Последнее время мы не встречались. И писем она мне тоже не пишет. Откровенно говоря, она мне разонравилась.

Гимпэй промолчал. Хисако постелила для него нейлоновый платок. Но через нейлон еще больше чувствовалась исходящая от земли прохлада. Пахло свежей травой.

— Учитель, я хочу, чтобы вы снова ходили за мною, но незаметно. Когда я возвращаюсь из колледжа. Мой новый колледж дальше от дома, чем тот, где я училась прежде.

— А ты сделаешь вид, будто заметила меня, лишь когда мы приблизимся к чудесной решетке, что на воротах вашего дома. Будешь глядеть на меня сквозь решетку, и твое лицо покраснеет от смущения.

— Нет, я попрошу вас войти внутрь. В нашем огромном доме никто не сумеет вас отыскать. Я в этом уверена. Даже моя комната достаточно велика, чтобы вас в ней спрятать.

Безмерное счастье охватило Гимпэя. Вскоре он действительно воспользовался предложением Хисако, но был обнаружен родителями, и ему с позором пришлось бежать из ее дома.

С той поры минули годы, время отдалило их друг от друга, и все же, когда его столкнул

с дамбы студент — возлюбленный той девушки с собакой, — Гимпэй, глядя на розовый закат, назвал ее имя. «Хисако, Хисако!» — тоскливо повторял он, возвращаясь в свое жилище. Дамба, с которой он скатился, была высотой в два человеческих роста, и он сильно ушиб плечо.

Но на следующий вечер его неудержимо потянуло туда, где по тропинке прогуливалась девушка с собакой. Эта чистая девушка осталась к нему безразличной, а ведь он, собственно, не собирался причинить ей ни малейшего вреда, с грустью думал Гимпэй. Грусть была сродни той, что приходит, когда глядишь на улетающих диких гусей... Либо когда следишь за уходящим в прошлое сверкающим потоком времени. Его собственная жизнь может прерваться завтра, да и красота девушки не вечна.

Теперь Гимпэй не мог бродить по дороге на косогоре, где росли гинкго, поскольку студент, с которым он вчера заговорил, наверняка запомнил его. А уж тем более не решался он подняться на дамбу, где тот, по-видимому, будет опять дожидаться прихода девушки. Поэтому Гимпэй решил спрятаться во рву между тропинкой и оградой особняка, некогда принадлежавшего аристократу. Если его там случайно обнаружит полицейский, Гимпэй всегда сможет оправдаться, что свалился в ров, будучи нетрезвым, или его толкнул туда хулиган, а он ушибся и не в силах выбраться. Все же сказать пьяным безопасней, решил Гимпэй, и, чтобы это выглядело натуральней, перед выходом из дома хлебнул спиртного.

Накануне, разглядывая ров, Гимпэй решил, что он достаточно глубокий, но, спустившись в него, убедился, что ров не столько глубокий, сколько широкий. Стены его, как и дно, были выложены камнем. В щелях между камнями росла трава. На дне — прошлогодние палые листья. Если прижаться к той стене, что ближе к тропинке, то идущий мимо навряд ли сможет его заметить, решил Гимпэй. Постояв во рву около получаса, он почувствовал, что ждать дольше не в состоянии: еще немного — и он вопьется зубами в каменную стенку. Чуть в стороне он заметил кусты фиалок, росшие между камнями. Он придвинулся к ним, перекусил стебли зубами и сжевал. Глотать фиалки оказалось нелегко. Гимпэй тихо застонал, с трудом сдерживая подступившие к глазам слезы.

Наконец у подножия косогора появилась вчерашняя девушка с собакой. Раскинув руки и уцепившись за каменный выступ, Гимпэй слегка подтянулся и высунул голову. Руки дрожали, и ему казалось, что камни вот-вот обрушатся. Сердце колотилось о камни так сильно, что, казалось, еще мгновение — и оно выскочит из груди.

На девушке был тот же свитер, что накануне, но вместо джинсов — ярко-красная юбка, на ногах — элегантные туфли. Белое и ярко-красное плыло на фоне молодой зелени, постепенно приближаясь к Гимпэю. Когда девушка проходила мимо него, он запрокинул голову и увидел прямо перед глазами ее белые руки. Снизу он успел заметить безупречную линию ее подбородка и, тихо застонав от восхищения, закрыл глаза.

— А вот и он... — пробормотал Гимпэй. Открыв глаза, он заметил вчерашнего студента, ожидавшего девушку на дамбе. Вскоре девушка присоединилась к нему, и отсюда, из рва, Гимпэй еще долго видел, как две фигуры плыли по дамбе в высокой траве, удаляясь от него все дальше и дальше. До позднего вечера Гимпэй дожидался в своем укрытии возвращения девушки, но она так и не появилась. По-видимому, студент рассказал ей о встрече со странным человеком, и они прошли другой дорогой.

С тех пор Гимпэй много раз приходил сюда, бродил по тропинке, вдоль которой росли гинкго, часами лежал в густой траве на дамбе, поджидая девушку, но она больше не появлялась. Воспоминания о ней гнали его сюда даже по ночам. Молодые листья гинкго росли быстро, при лунном свете черные кроны деревьев отбрасывали пугающие тени на асфальтовую дорогу. Они напоминали Гимпэю ночную темноту озера близ его деревни, которая пугала его в детстве, заставляя в страхе убежать под защиту родного дома...

Однажды со дна рва Гимпэю послышалось мяуканье. Он остановился и заглянул в ров. Там на дне стоял ящик, в котором копошились крохотные существа.

— Удобное место, где можно оставлять новорожденных котят, — пробормотал Гимпэй. Кто-то сунул их в ящик и бросил в ров. Сколько же их там? Бедные существа, они будут

мяукать, пока не сдохнут от голода. Подумав о том, что он и сам похож на этих брошенных котят, Гимпэй долго еще прислушивался к их мяуканью.

С того вечера девушка туда так и не приходила. В начале июня Гимпэй прочитал в газете, что в одном из водоемов — он находился недалеке от известного ему косогора — устраивают ловлю светлячков. На этом водоеме была лодочная станция. Гимпэй твердо верил, что девушка придет поглядеть, как ловят светлячков. Тем более что дом ее где-то поблизости — иначе вряд ли она приходила бы сюда на прогулку с собакой.

На берегу озера близ деревни, откуда была родом мать Гимпэя, тоже было много светлячков, и он вместе с нею часто ходил ловить их. Когда его укладывали в постель, окруженную противомоскитной сеткой, он выпускал светлячков. Так же поступала и Яёи. Фусума были раздвинуты, и Гимпэй видел ее в соседней комнате в постели, под такой же сеткой. Они спорили, кто больше поймал, но светлячки все время перелетали с места на место и сосчитать их было трудно.

— До чего же ты хитрый, Гимпэй! Почему ты всегда хитришь? — сердилась Яёи и, поднявшись с постели, грозила ему кулачком, а потом, войдя в раж, колотила руками по сетке, с которой светлячки разлетались в разные стороны. Ухватившись за сетку, она топала ногами, ее коротенькое спальное кимоно с узкими рукавами распаивалось, и тогда взгляду Гимпэя открывались белые ноги девочки. Сетка прогибалась в сторону Гимпэя, и Яёи казалась ему прекрасным призраком, привидением, бьющимся в голубых тенетах.

— Сегодня ты поймала больше, чем я. Обернись назад и погляди! — признавался Гимпэй.

Яёи оборачивалась и задорно выкрикивала:

— Само собой — больше!

Она трясла противомоскитную сетку, огоньки светлячков метались туда и сюда, и впечатление было такое, словно их великое множество.

Гимпэй до сих пор помнит, что в тот вечер на Яёи было спальное кимоно с узором из крупных крестиков. Но что делала его мать, которая была рядом? Ругала ли она Яёи за шум, который та подняла? И выговаривала ли дочери мать Яёи? Она ведь спала с ней под Одной сеткой. Вместе с ними, кажется, находился и ее младший братишка... Ничего этого Гимпэй не помнил. В памяти сохранилась только Яёи.

По сей день его время от времени посещало видение: вспыхнула молния в ночной тьме над озером — такая яркая, что мгновенно высветила водную гладь до самых отдаленных уголков. Когда она угасла, на берегу стали видны огоньки светлячков. Может, эти огоньки — продолжение видения, а может, и нет. Ведь такие молнии часто бывали в их краях летом, когда светлячки появляются во множестве. Гимпэй не думал, конечно, что есть какая-то связь между светлячками и душой утонувшего в озере отца, но все же их огоньки в тот миг, когда молния угасала и озеро вновь окутывала тьма, вызывали неприятное ощущение. И хотя Гимпэй понимал, что это только видение и на самом деле такого не бывает, эта огромная неподвижная масса воды, внезапно вспыхивающая среди ночи от мгновенного зигзага молнии, всякий раз вызывала в нем ужас, казалась ему некой зловещей игрой природы, воплем агонизирующего времени. У него было такое ощущение, будто молния пронзала его самого, ярким светом высвечивая все мироздание. То же самое испытал он и когда впервые познал Хисако — между ними словно возник электрический разряд.

Гимпэя поразила тогда ее удивительная смелость. В чем-то она была сродни вспышке молнии. И та же смелость Хисако позволила Гимпэю войти в ее дом, очутиться в ее комнате.

— До чего же большой у вас дом. Если придется бежать, заплутаешься, — пошутил тогда Гимпэй.

— Не беспокойтесь, я провожу вас. А можно выпрыгнуть через окно.

— Со второго-то этажа? — испуганно пробормотал он.

— А я свяжу несколько поясов, и вы с их помощью преспокойно спуститесь вниз.

— А собака у вас есть? Я терпеть не могу собак.

— Нет.

Хисако едва прислушивалась к тому, что говорил Гимпэй. Она глядела на него сияющими глазами.

— Я знаю, что не смогу выйти за вас замуж, — сказала она, — но пусть хоть один-единственный раз мы останемся с вами вдвоем в этой комнате. Мне надоели наши тайные встречи, надоело от всех прятаться в траве за оградой.

— Слова «прятаться в траве» могут означать только то, что они означают, но теперь их стали употреблять еще и в смысле «уходить в иной мир», «сходить в могилу».

— Правда? — Хисако без особого интереса восприняла этот экскурс в филологию.

— Собственно, теперь, когда меня выгнали и я больше не учитель родного языка, это не имеет значения...

Гимпэй разглядывал роскошно обставленную в западном стиле комнату своей бывшей ученицы и чувствовал себя не лучше, чем преступник, которого преследуют по пятам.

Пока он шел за Хисако от дверей ее нового колледжа до ворот этого дома, его настроение переменилось. Он понимал: то, что он сейчас идет за ней во второй раз, — всего лишь игра, правила которой заранее известны Хисако, и она лишь делает вид, будто ей все внове. Но теперь она целиком и полностью ему принадлежала, и он с радостью принял эту игру — ведь ее придумала Хисако.

— Подождите меня здесь, — прошептала она, крепко сжимая руку Гимпэя. — Сейчас у нас ужин, но я постараюсь вернуться как можно скорее.

Гимпэй притянул Хисако к себе и поцеловал в губы. Хисако хотела, чтобы этот поцелуй длился вечно. Она так крепко прижалась к Гимпэю, что ему с трудом удалось удержаться на ногах.

— Чем вы займетесь в мое отсутствие?

— Не знаю. У тебя есть альбом с твоими фотографиями?

— Нет ни альбома, ни даже дневника. — Хисако покачала головой.

— Ты никогда не рассказывала мне о своем детстве.

— Ничего в нем не было интересного.

Хисако вышла из комнаты, не утерев даже губы после поцелуя. Как сейчас она будет смотреть в глаза родителям? — подумал Гимпэй. За занавеской, скрывавшей нишу в стене, он обнаружил умывальник, пустил слабую струю воды, тщательно вымыл лицо и руки, прополоскал рот. Он хотел было снять носки и вымыть ноги, но не решился сунуть их в умывальник, где Хисако мыла лицо. Собственно, от того, что он вымоет ноги, они не станут менее уродливы. Напротив, их безобразие проступит еще отчетливее.

Никто бы не догадался об их свидании, не займись Хисако приготовлением бутербродов для Гимпэя. И уж верхом дерзости было то, что на виду у всех она пронесла к себе в комнату кофе на серебряном подносе.

Не успела она поставить поднос на стол, как в дверь постучали. Хисако решительно и даже с упреком спросила: — Это вы, мама?

— Да.

— У меня гость, и прошу нас не тревожить.

Кто у тебя?

— Мой учитель, — тихо, но в то же время твердо ответила Хисако.

Гимпэй встал, подхваченный порывом неистовой ярости. Будь у него в руках пистолет, он не задумываясь выстрелил бы Хисако в спину... Он стреляет! Пуля пронзает ее насквозь и попадает в мать по ту сторону двери. Обе падают на спину, но Хисако красивым движением успевает повернуться к нему лицом, валится к его ногам и обнимает его колени. Из ее раны хлещет кровь, стекая по его ногам. В одно мгновение грубая темная кожа на его подошвах становится шелковистой, прекрасной, как лепестки роз, и даже длинные обезьяньи пальцы, торчащие в разные стороны, словно погнутые зубцы гребня, омытые теплой кровью Хисако, становятся ровными и красивыми, как у манекена. Гимпэй спохватывается, что у Хисако не может быть столько крови, и видит, что кровь стекает также из раны у него в груди. Он теряет сознание и чувствует, будто его уносит на пятицветные облака, на которых восседает Будда

Амида, собирая души истинно верующих... Все это видение длилось один короткий миг.

«Кровь моей дочери примешана к лекарству от экземы, которое она принесла для вас в школу», — раздается голос отца Хисако, и Гимпэй в ужасе замирает. Но это ему только послышалось.

Когда Гимпэй пришел в себя, он увидел грациозную фигурку Хисако у двери, и страх прошел. За дверью воцарилась тишина. Гимпэю показалось, будто дверь вдруг стала прозрачной, и он видит мать Хисако, трясущуюся под упорным взглядом дочери. Жалкая курица, у которой цыпленок выщипал перья! Из коридора донеслись нерешительно удаляющиеся шаги. Хисако быстро заперла дверь на ключ, потом повернулась и, прислонившись к ней спиной, заплакала.

Не прошло и нескольких минут, как в коридоре послышались тяжелые шаги. Вместо матери теперь к двери подошел отец и стал раздраженно дергать за ручку.

— Хисако, слышишь, открой! Немедленно открой!

— Я сейчас поговорю с твоим отцом, — сказал Гимпэй.

— Не надо.

— Почему? Ведь другого выхода нет.

— Я не хочу, чтобы отец вас увидел.

— Но я ничего не сделаю дурного. У меня даже пистолета с собой нет.

— Не хочу! Бегите через окно.

— Через окно?! Ну что же, попытаюсь. Ноги-то у меня как у обезьяны.

— В ботинках спускаться опасно.

— Я их снял.

Хисако взяла из шкафа несколько поясов и начала их связывать. Отец стучал в дверь все громче.

— Подождите минутку, я сейчас открою. И не волнуйтесь, пожалуйста! Мы не собираемся здесь покончить жизнь самоубийством или совершить что-нибудь дурное.

— Что?! Как смеешь ты так говорить с отцом?!

Слова Хисако все же подействовали на него, и стук в дверь прекратился.

Крепко намотав конец импровизированной веревки на обе руки, она кинула ее за окно и со слезами на глазах поглядела на Гимпэя. Он коснулся ее пальцев кончиком носа и стал быстро спускаться. Он хотел поцеловать ее пальцы, но, потому что все время с опаской поглядывал вниз, ткнулся в них не губами, а носом. Спустившись на землю, он дважды дернул за конец, давая понять, что все в порядке. Когда он дернул во второй раз, веревка, никем не удерживаемая, упала к его ногам.

— Ты даришь эти пояса мне? Спасибо, я их возьму на память! — крикнул Гимпэй.

Пробегая по саду, он на ходу быстро намотал веревку на руку. Оглянувшись, Гимпэй увидел в окне, через которое только что выбрался, две фигуры — Хисако и, по-видимому, отца. Наверно, ее отец не будет поднимать шум, подумал Гимпэй и ловко, словно обезьяна, перепрыгнул через резную решетку ворот.

Удалось ли Хисако выйти замуж после всего случившегося? — раздумывал теперь он.

С тех пор Гимпэю лишь один раз довелось встретиться с Хисако. Он часто приходил к ограде ее бывшего дома, но Хисако больше уже не ждала его, «спрятавшись в траве», не оставляла для него посланий на ограде. И все же сто не покидала надежда увидеть ее, и он время от времени заглядывал сюда даже зимой, когда трава пожухла и ее засыпало снегом.

Однажды ранней весной он, к своему крайнему удивлению, встретил там Хисако.

Но Хисако была не одна, а вместе с Ондой. В первую минуту у Гимпэя сердце радостно забило в груди: значит, и Хисако иногда заглядывает сюда, надеясь встретиться с ним, просто до сих пор они приходили в разное время... Однако стоило ему взглянуть на удивленное лицо Хисако, и его радость угасла: она вовсе не рассчитывала его увидеть. Она назначила здесь встречу Онде. Но как могла она привести эту доносчицу сюда, на место их тайных свиданий?! Гимпэй решил быть осторожным, чтобы не наговорить лишнего...

— Учитель... — прошептала Хисако.

— А, это вы, учитель! — громко повторила Онда.

— Мисс Тамаки, неужели вы до сих пор водите дружбу с подобной личностью? — Гимпэй указал подбородком на Ондю. Девушки сидели рядом, подстелив под себя нейлоновый платок.

— Хисако ходила сегодня на церемонию, посвященную окончанию колледжа, — объявила Онда, неприязненно глядя на Гимпэя.

— Вот как? На церемонию... Я ничего об этом не знал. — Он сказал больше, чем хотел.

— Учитель, с того дня я ни разу не была в колледже, — извиняющимся голосом пробормотала Хисако.

— Понимаю. — Слова девушки глубоко тронули его, но то ли из-за присутствия Онды, то ли припомнив времена, когда он еще был учителем, Гимпэй неожиданно для самого себя спросил: — Но как в таком случае вы смогли закончить колледж?

— Смогла! Помог председатель попечительного совета, — вместо нее ответила Онда, и трудно было понять, благожелательно или дурно она относится к этому факту.

— Я знаю, вы умная девушка, мисс Онда, но перестаньте вмешиваться, когда вас не спрашивают... Скажите, Хисако, председатель выступил с речью на церемонии?

— Да.

— Я давно уже не пишу речи для старого Ариты. Наверно, его сегодняшняя речь была не похожа на прежние?

— Она была краткой.

— Боже мой, о чем только они говорят? — вмешалась Онда. — Неужели вам больше нечего сказать друг другу, если вы даже встретились случайно?

— Оставьте нас вдвоем, и мы найдем о чем поговорить. Но все это не для ваших шпионских ушей. Если вам есть что сказать мисс Тамаки, говорите скорее и уходите.

— Я не доносчица. Я хотела лишь спасти мисс Тамаки от вашего вредного влияния. Именно мое письмо заставило ее сменить колледж, и, хотя Хисако потом перестала его посещать, она по крайней мере избавлена от постоянного общения с бесчестным человеком. Я очень дорожу дружбой с мисс Тамаки и буду бороться за нее, что бы вы со мной ни сделали. Мисс Тамаки ненавидит вас.

— Ну как мне с вами поступить? Уходите поскорее отсюда, покуда целы, иначе я за себя не ручаюсь.

— Я не оставлю мисс Тамаки. Она назначила свидание мне, а не вам, поэтому вы уходите.

— Вы что, приставлены следить за мисс Тамаки?

— Мне этого никто не поручал. Вы нехороший человек. — Онда отвернулась. — Пойдем отсюда, Хисако. Скажи этому беспардонному мужчине, что ты его ненавидишь и не намерена с ним встречаться.

— Будьте умницей, уйдите! Я ведь еще не закончил разговор с мисс Тамаки. — Гимпэй снисходительно погладил Ондю по голове.

— Нечистоплотный человек! — Онда тряхнула головой.

— Насчет нечистоплотности вы правильно сказали. Когда, кстати, вы в последний раз мыли голову? Вам бы следовало делать это почаще, у вас от волос неприятный запах. Сомневаюсь, чтобы кто-то захотел погладить такие грязные волосы.

Онда была взбешена.

— Послушай, уходи-ка отсюда! Я ведь хулиган и могу запросто ударить женщину.

— Пожалуйста, бейте, пинайте меня, сколько хотите!

— Хорошо же! — Гимпэй ухватил ее за руку и потянул за собой. — Не возражаете? — Он обернулся к Хисако.

В ее глазах он прочитал согласие и потащил Ондю на улицу.

— Что вы делаете? Отпустите меня! — упиралась Онда, пытаясь укусить его.

— Ах, ты хотела поцеловать руку бесчестного человека?

— Я укушу вас! — закричала Онда, но так и не исполнила свою угрозу.

Когда Гимпэй вывел ее на улицу, она перестала сопротивляться и пошла сама, опасаясь, как бы прохожие не обратили на них внимание. Гимпэй продолжал крепко держать ее за руку. Он остановил свободное такси.

— Эта девушка убежала из дому. Родители ждут ее у входа на станцию Омори. Прошу вас, поскорее доставьте ее туда, — сказал он шоферу первое, что пришло в голову, передал ему купюру в тысячу иен и втолкнул Ондю в машину. Машина сразу же сорвалась с места и помчалась вперед.

Гимпэй вернулся за ограду. Хисако по-прежнему сидела на нейлоновом платке.

— Я объяснил шоферу, что она убежала из дому, усадил в такси и отправил к станции Омори. Это обошлось мне в тысячу иен, — сказал он.

— В отместку Онда опять напишет моим родителям.

— И снова подпишется: «Скорпион».

— А может, на этот раз и не напишет. Она очень хочет попасть в университет и пришла уговаривать меня поступить с ней вместе. У нее есть план: стать моим частным репетитором, с тем чтобы отец оплатил ее учебу в университете. У ее родителей сейчас туговато с деньгами.

— Вот, значит, для чего она попросила тебя о встрече?

— Да, но она и до этого, чуть не с января, часто писала мне письма с просьбой повидаться. Но я не хотела приглашать ее к себе домой и ответила, что смогу встретиться с ней в день церемонии по случаю окончания колледжа. Она ожидала меня у входа, и мы пошли сюда. Мне все равно хотелось еще раз побывать здесь.

— С того дня я часто заглядывал сюда — даже в ту пору, когда все было покрыто глубоким снегом.

Хисако кивнула, и на ее щеках появились симпатичные ямочки. Кто бы мог подумать, глядя на эту девчушку, что она была близка с Гимпэем? Да и он сам навряд ли смог бы обнаружить на этом милом лице следы своего «дурного» влияния.

— Я думала, что вы, может быть, иногда заходите сюда, — сказала Хисако.

— Однажды я пришел, когда на улицах снег уже растаял, но здесь его еще было много — целая гора. Может быть, убрали улицу и сбрасывали его сюда. Мне показалось, что здесь погребена наша любовь. И еще я подумал: под этой горой снега похоронен наш ребенок. — Гимпэй умолк спохватившись, что говорит словно в бреду.

Но Хисако кивнула и поглядела на него ясными глазами. Гимпэй растерялся и поспешно перевел разговор на другое.

— Ты все же решила вместе с Ондой поступить в университет?

— Все это пустое... — безразлично проговорила Хисако. — С какой стати женщине учиться в университете?

— Те пояса, из которых ты связала веревку, я бережно храню до сих пор. Ведь ты мне их подарила, правда?

— Наверно, веревка просто выскользнула у меня из рук, — призналась Хисако.

— Отец тебя очень ругал?

— Он запретил мне выходить из дома.

— Знай я, что ты не посещаешь колледж и тебя не выпускают из дома, обязательно пришел бы к тебе — через то самое окно.

— Иногда я по ночам стояла у окна и глядела в сад, — прошептала Хисако.

По-видимому, с тех пор как они перестали встречаться, Хисако вновь обрела свою девичью чистоту, и Гимпэй почувствовал, что не в его силах опять возбудить в ней былую страсть. И все же Хисако не отодвинулась, когда он присел на нейлоновый платок — туда, где только что сидела Онда. На Хисако было чудесное голубое платье с кружевным воротничком. Наверно, она так нарядилась ради церемонии. Гимпэю даже показалось, что Хисако стала пользоваться косметикой, но она накладывала ее так умело, что трудно было заметить. Гимпэй догадался об этом лишь по едва уловимому запаху.

— Пойдем куда-нибудь... Или вообще убежим отсюда — далеко-далеко, на пустынный берег озера... — сказал он, осторожно кладя руку ей на плечо.

— Учитель, я ведь решила больше не встречаться с вами. Я счастлива, что сегодня мне довелось вас увидеть, но пусть это будет наша последняя встреча. — Голос Хисако звучал спокойно. Она не отвергала Гимпэя, просто взывала к его разуму. — Если я почувствую, что не могу жить, не увидев вас, я вас найду, чего бы это ни стоило.

— Но я опускаюсь, опускаюсь на самое дно.

— Я приду к вам, если даже вы будете скрываться в подземных тоннелях станции Уэно.

— Пойдем со мной сейчас.

— Нет, сейчас не могу.

— Почему?

— Мое сердце разбито, и рана еще не затянулась. Если любовь сохранится и вы будете мне нужны, когда я окончательно приду в себя, я обязательно вас найду.

— Сомневаюсь... — Он почувствовал, словно у него немеют, отнимаются ноги. — Я все понял. Тебе не следует опускаться на дно, в тот мир, где я нахожусь. Постарайся, чтобы никто не узнал о том, что я открыл в твоей душе. Иначе тебе грозит беда. Я останусь в своем, чуждом тебе мире, но всю жизнь с благодарностью буду вспоминать тебя.

— А я постараюсь забыть вас, если смогу...

— Да, так будет лучше, — решительно сказал Гимпэй и в то же мгновение почувствовал невыразимую тоску. — Но сегодня... — Голос его задрожал.

Сверх ожиданий Хисако согласно кивнула.

Пока они ехали в такси, она не произнесла ни слова. Она закрыла глаза. Лицо ее было спокойно, лишь щеки слегка порозовели.

— Открой глаза. Я уверен — в них скрываются чертики.

Хисако широко раскрыла глаза — в них была пустота.

— Какие они у тебя грустные... Ты еще не забыла? — Он прикоснулся губами к ее ресницам.

— Я все помню, — едва слышно прошептала безжизненным голосом Хисако...

С тех пор Гимпэй больше ее не встречал.

Несколько раз он приходил туда, к ограде сгоревшего дома. Однажды он увидел, что участок огорожен новым забором, трава скошена и земля утрамбована. А спустя года полтора или два там начали строить новый дом. Судя по фундаменту, домик небольшой, подумал Гимпэй и решил, что вряд ли эту стройку затеял отец Хисако. Скорее всего, он кому-то продал участок. Прислушиваясь к звуку рубанка, которым споро работал плотник, Гимпэй закрыл глаза.

— Прощай! — прошептал он недостижимой теперь для него Хисако и мысленно пожелал счастья тем, кто будет жить в этом новом доме. Уверенные звуки рубанка словно подтверждали, что его пожелание сбудется.

Больше Гимпэй не приходил к ограде, где они «скрывались в траве». Откуда ему было знать, что вскоре Хисако вышла замуж и поселилась в этом доме.

* * *

Уверенность Гимпэя, что «та девушка» обязательно придет к водоему ловить светлячков, была столь велика, что это случилось на самом деле, и ему посчастливилось увидеть ее в третий раз.

Ловля светлячков устраивалась в течение пяти дней, и, хотя Гимпэй приготовился ходить туда ежедневно, он безошибочно вычислил вечер, когда появится Матиэ. Причем это подсказала ему не только интуиция. На третий день в газете появился репортаж о ловле светлячков, и Гимпэй решил, что Матиэ его обязательно прочтает и придет к водоему. С газетой в кармане Гимпэй вышел из дома и ощутил, как радостно бьется его сердце в ожидании встречи. Он был бессилен описать словами глубину, безупречную форму продолговатых глаз Матиэ и по пути к водоему рисовал их большим и указательным пальцем на щеке в виде чудесной маленькой рыбки. В его ушах звучала неземная музыка.

— В будущей жизни я предстану юношей с красивыми ногами. Ты можешь оставаться такой, как сейчас. И мы вдвоем будем исполнять в балете танец в белом, — мечтательно шептал Гимпэй, представив Матиэ в развевающейся классической пачке.

Как она прекрасна! Такая красавица могла появиться только в хорошей семье. Жаль, что девичья красота быстротечна: лет до шестнадцати-семнадцати — и все. Потом она увядает.

Отчего Матиэ как бы светится изнутри? Что за чистая влага омыла ее красоту? И как печально, что нынешние девушки, не успев расцвести, идут учиться и губят свою молодость в книжной пыли.

На лодочной станции висело объявление: «Светлячков выпускают с восьми часов».

В июне в Токио солнце заходит около половины восьмого, и Гимпэй в ожидании сумерек принялся бродить взад и вперед по мосту над водоемом.

— Желающих получить лодки просим взять номерки и ждать, — объявляли время от времени в мегафон.

Те, кто пришел поглядеть на ловлю светлячков, приносили доход и владельцам лодочной станции, поскольку брали лодки, чтобы полюбоваться этим зрелищем на воде. Пока было светло, люди, чтобы убить время, бродили по мосту, катались на лодках или просто стояли у берега. Гимпэй не обращал на них внимания. Он с трепетом ожидал появления девушки.

Дважды выходил он и на дорогу, где росли гинкго. Подумал даже, не спрятаться ли ему снова во рву. Он присел у рва, потрогал каменную стенку, но зрелище привело любопытных даже сюда, и, услышав за собой шаги, он поспешно ретировался.

У входа на мост продавали светлячков по пять иен за штуку. За клетку просили сорок иен. Но над водоемом светлячков еще не выпускали. Дойдя до середины моста, Гимпэй увидел небольшую башенку над водой, на которой стояла огромная клетка.

— Выпускайте, выпускайте, поскорее выпускайте! — галдели на берегу дети.

По-видимому, выпускать светлячков на волю должны были из этой клетки. На башенке стояли двое мужчин, а внизу вокруг нее сгрудились лодки, в которых сидели ловцы с сачками и бамбуковыми ветками. На мосту и на берегу водоема над головами людей торчали ветки и сачки на длинных шестах.

На противоположном конце моста тоже торговали светлячками.

Кто-то сказал:

— Там продают светлячков из Окаяма, а здесь — из Косю. Окаямские — совсем маленькие и не похожи на тех, что из Косю.

Гимпэй отправился туда, где продавались светлячки из Косю. Они стоили вдвое дороже — десять иен за штуку. Клетка с семью светлячками шла со скидкой за сто иен.

— Мне десять больших, — сказал Гимпэй и протянул двести иен.

— Здесь все крупные. Вам добавить десяток к тем семи, что в клетке?

Продавец сунул руку во влажный матерчатый мешок, и Гимпэй увидел, как внутри все сразу запульсировало огоньками, будто мешок дышал. Продавец брал по одному или по два светлячка и впускал их в похожую на сигару клетку. Гимпэй поднес ее к глазам. Ему показалось, что там меньше семнадцати светлячков. Продавец дунул в нее, и вся она сразу засветилась огоньками. Слюна продавца попала Гимпэю на лицо.

— Возьмите еще десяток — им будет веселей, — предложил продавец и, не дожидаясь ответа, запустил еще несколько светлячков. В этот момент послышались радостные крики детишек, и Гимпэя окатило брызгами воды. Светлячки, которых выпускали из большой клетки на башенке, бессильно падали вниз, словно искры угасающего фейерверка. Некоторым из них у самой воды все же удавалось взлететь, и они становились добычей ловцов. Сперва их выпустили не больше десятка, и ловцы начали так неистово размахивать ветками и сачками, что подняли тучу брызг, окатив тех, кто наблюдал с берега.

— Нынче холодно, и светлячки плохо летают, — сказал кто-то. Гимпэй понял, что ловля светлячков устраивается ежегодно.

Все ожидали, когда выпустят новых, но двое мужчин на башенке не торопились, хотя громкоговорители на лодочной станции сообщили: «Все светлячки будут выпущены до девяти

часов». Зрители молча глядели в сторону башенки. Тишину нарушал лишь плеск воды, колеблемой веслами.

— Скорей бы уж выпускали, — сказал кто-то, стоявший рядом с Гимпэем.

— А куда им торопиться? Выпустят — тогда сразу и делу конец, — возразил сосед.

Довольный своей покупкой, Гимпэй отошел от берега, чтобы его ненароком снова не окатили водой, и прислонился к дереву перед полицейской будкой. Отсюда, подалее от толпы, ему легче было обозревать мост. Кроме того, присутствие молодого, круглолицего полицейского действовало на него успокаивающе. Отсюда он должен был обязательно заметить девушку, если она появится.

Наконец с башенки стали выпускать светлячков — одну партию за другой. Правда, в каждой было их не больше десятка, а кроме того, мужчины на башенке специально делали паузы, чтобы подогреть азарт ловцов. Многие светлячки не могли взлететь высоко и падали в воду. Но некоторым все же удавалось выровнять свой полет, и они летели либо к берегу, либо в сторону моста. Мужчины и женщины, старики и молодые стояли у перил моста и неистово размахивали сачками. Многие дети даже перелезали через перила — удивительно, как они умудрялись не свалиться в воду.

Гимпэй стал медленно прогуливаться позади этих ловцов, отыскивая девушку.

Он глядел на мелькавшие в воздухе огоньки светлячков и пытался вспомнить, как ловил их на берегу озера около деревни его матери.

— Эй! У вас светлячок запутался в волосах, — кто-то крикнул с моста. Девушка в лодке не сразу сообразила, что обращаются именно к ней. Юноша, сидевший рядом, ловко выудил светлячка из ее волос.

Наконец Гимпэй заметил ту, кого искал.

Она стояла на мосту, ухватившись руками за перила, и глядела вниз, на водоем. На ней было белое платье из хлопчатки. Из-за разделявшей их толпы Гимпэй видел лишь ее щеку и плечи, но сразу узнал. Расталкивая людей, он пробрался вперед и встал у нее за спиной. Ее внимание было привлечено к башенке с большой клеткой, и можно было не опасаться, что она вдруг обернется.

Кажется, она пришла не одна, догадался Гимпэй, глядя на юношу, стоявшего рядом. И в тот же миг почувствовал, как кольнуло сердце. Даже не разглядев его лица, он понял, что это другой — не тот, который столкнул его с дамбы. Юноша был в белой рубашке, без шапки и форменной куртки, но Гимпэй решил, что он тоже студент. «Двух месяцев не прошло!» Гимпэй был обескуражен непостоянством девушки. Словно ненароком наступил ботинком на цветок... Неужели ее увлечение оказалось столь быстротечным по сравнению с чувством, какое он, Гимпэй, по-прежнему к ней питал? Правда, присутствие этого юноши вовсе не означало, что она обязательно в него влюблена. И все же Гимпэй почувствовал: между ней и тем прежним студентом что-то произошло. Он придвинулся ближе к перилам и стал прислушиваться к их разговору. Тем временем выпустили новую партию светлячков.

— Поймать бы парочку и принести в подарок Мидзуно, — сказала девушка.

— Но светлячки — неподходящий подарок для больного: они не веселят душу, — возразил студент.

— Все же они могут развлечь, когда у человека бессонница.

— Нет, они вселяют тоску.

Из их разговора Гимпэй понял, что тот, прежний ее знакомый, болен.

Гимпэй встал чуть сбоку, чтобы видеть ее профиль, стараясь в то же время, чтобы девушка его не заметила. На этот раз ее волосы были слегка начесаны и мягкой волной спускались на плечи. Прическа была сделана тщательно и более продуманно — ничего похожего на тот небрежный пучок, когда он впервые увидел ее под сенью гинкго.

Мост не освещался, но даже в полутьме Гимпэй разглядел, что юноша, стоявший рядом с Матизэ, более хлипкого телосложения, чем тот студент. По всей видимости, он и девушка — просто друзья, решил Гимпэй.

— Вы расскажете Мидзуно про сегодняшний вечер, когда пойдете в больницу его поведать?

— Рассказать про сегодняшний вечер?.. — пробормотал юноша, словно бы думая вслух. — Мидзуно всегда радуется, когда я его навещаю: ведь он может расспросить о вас. И он, наверно, станет завидовать, если я скажу ему, что мы вместе ходили ловить светлячков.

— И все-таки мне хочется послать их ему в подарок.

Юноша промолчал.

— Как жаль, что я сама не могу с ним повидаться. Вы передадите ему привет от меня?

— Я это делаю каждый раз, когда его навещаю. Он понимает, что вам в больницу приходить нельзя.

— В тот вечер, когда ваша сестра пригласила нас полюбоваться цветущими вишнями в Уэно, она сказала: «Матиэ, вы такая счастливая». Но я вовсе не чувствую себя счастливой.

— Сестра удивилась бы, услышав из ваших уст такое.

— Вот и удивите ее...

— Хорошо. — Юноша рассмеялся, потом, стараясь переменить тему, добавил: — Я и сам с того вечера ни разу с ней не видался. Пусть она по-прежнему думает, будто есть на свете люди, счастливые от рождения.

Гимпэй понял, что этому юноше нравится Матиэ. И еще его охватило предчувствие, что девушка порвет с Мидзуно, даже если тот выздоровеет.

Он незаметно приблизился к Матиэ и встал позади. Ее пояс был, по-видимому, из плотной ткани, и он тихонько прицепил к нему клетку со светлячками — на клетке был специальный крючок. Увлеченная разговором, она ничего не заметила.

Он дошел до конца моста и оглянулся: клетка по-прежнему висела на поясе у Матиэ, внутри нее тускло мерцали огоньки светлячков.

Гимпэй гадал, как поступит Матиэ, когда заметит на поясе клетку. Он чуть было не решил вернуться, чтобы, смешавшись с толпой, понаблюдать за ней. Потом раздумал: собственно, почему он должен прятаться — он ведь не вор, который у нее срезал бритвой карман! И все же он пошел прочь, думая о том, что благодаря Матиэ в нем появилась или, как он считал, возродилась необычная робость. Оправдываясь таким манером перед самим собой, он покинул мост и направился к дороге, где росли гинкго.

— Ах, какой большой светлячок! — воскликнул он, глядя на звезду в небе. И, несколько не удивляясь тому, что принял звезду за светлячка, с глубоким чувством повторил: — Большой светлячок!

Послышался шум дождя, его капли ударяли по листьям гинкго. Капли были крупные, редкие. Так шумит вода, стекающая с крыш, когда стихает ливень. На равнине такого дождя не бывает. Он больше напоминает дождь, к которому невольно прислушиваешься, заночевав в горах, в лиственном лесу. Дождь был слишком сильным, чтобы принять его за капли ночной росы, падающие с листьев. Гимпэй никогда не поднимался в горы и, само собой, не останавливался там на ночлег. Откуда же эта странная галлюцинация?.. Должно быть, она связана с озером, на берегу которого жила его мать.

Но деревня матери расположена в низине, а не в горах. Да, с таким дождем ему до сих пор не доводилось встречаться...

И все же однажды он слышал подобный шум. То было на исходе ливня в густом лесу, когда с листьев падает больше капель, чем проливается с неба.

«Смотри, Яёи, промокнешь под таким дождем — недолго и до простуды...»

Наверно, и Мидзуно, возлюбленный Матиэ, заболел, попав под такой дождь, когда остановился на ночлег в горах. А может, то вовсе не дождь шумит в листьях гинкго, а Мидзуно сетует на свою судьбу.

Так сам с собой беседовал Гимпэй, прислушиваясь к звукам дождя, которого не было.

Сегодня на мосту он впервые услышал ее имя: Матиэ. Он с ужасом подумал: умри он или она днем раньше, он так бы и не узнал, как зовут ее. Но теперь он мог назвать ее по имени, и это означало, что они стали намного ближе друг к другу. Отчего же он ушел с моста, где

стояла Матиэ, к дороге на косогоре, где ее не было? Он дважды приходил сюда еще до того, как началась ловля светлячков. Но теперь-то, когда он ее увидел, зачем ему было вновь сюда возвращаться? Однако Гимпэй чувствовал; душ а этой девушки, которую он оставил на мосту, шествует сейчас по тропинке под сенью гинкго. Она идет в больницу к своему возлюбленному, и к ее поясу прицеплена клетка со светлячками.

Гимпэй подвесил клетку к ее поясу без какой-то особой цели, но позже у него появилась сентиментальная мысль, будто он приложил к ее телу свое пылающее любовью сердце. Правда, девушка хотела принести светлячков в подарок своему больному другу, и, может быть, Гимпэй просто решил ей помочь.

Призрачный дождь падает на призрак девушки в белом платье, которая идет проведать больного возлюбленного. Какой пошлый образ, если даже речь идет о призраках, — насмехаясь над собой, подумал Гимпэй. Он знал, что девушка сейчас стоит со своим другом на мосту, но никак не мог отделаться от ощущения, что одновременно она находится здесь, рядом с ним, под сенью гинкго.

Гимпэй подошел к дамбе и стал на нее взбираться, но оступился, подвернул ногу и, не удержавшись, упал на траву. От травы пахло сыростью. Нога не так уж сильно болела, и он вполне мог бы идти дальше. Тем не менее он пополз на четвереньках.

— Что это?! — воскликнул он и остановился. Пока он полз на дамбу, под землей, будто отражение в зеркале, одновременно с ним полз малютка, протягивая к нему ручонку. Их руки соединились, и Гимпэй ощутил холодное пожатие мертвеца. Он испугался. Ему вспомнился публичный дом на курорте с горячими источниками и зеркало на дне бадьи для купанья... Гимпэй поднялся к тому месту на дамбе, где с криком «идиот!» его столкнул вниз Мидзуно — возлюбленный Матиэ. Это случилось в тот самый день, когда он впервые последовал за девушкой с собакой. Именно там Матиэ рассказывала Мидзуно, как она глядела отсюда на первомайское шествие с красными флагами. Гимпэй поглядел в ту сторону и увидел медленно ползущий по улице трамвай. Его освещенные окна отбрасывали блики света на густую аллею. На дамбе не было и признаков дождя, шум которого он только что слышал на дороге.

— Идиот! — вдруг повторил он выкрик Мидзуно и покатился с дамбы. Только у самого края асфальтированной дороги ему удалось ухватиться рукой за пучок травы. Он поднялся на ноги и, обнюхивая пахнущую травой ладонь, пошел по дороге, чувствуя, что малютка по-прежнему следует за ним под землей.

Он не имел представления, где сейчас находится его ребенок, не знал даже, жив ли он, и это было одной из причин, заставлявших его пребывать в постоянной тревоге. Если ребенок жив, они когда-нибудь обязательно встретятся. Гимпэй в это твердо верил. Но он даже не знал в точности: его ли это ребенок или кого-то другого?

Однажды вечером у входа в частный пансион, где Гимпэй, будучи студентом, снимал комнату, кто-то подбросил младенца. В оставленной записке было сказано: «Это ребенок Гимпэя». Хозяйка пансиона подняла шум. Гимпэя же по происшествии несколько не взволновало, он и особого стыда не почувствовал. Да и разумно ли ожидать от студента, которого завтра же могли отправить на фронт, что он станет воспитывать подкинутого младенца — тем более рожденного от проститутки...

— Вот бесстыжая! — воскликнул Гимпэй. — Я ушел от нее, и она в отместку подбросила мне чужого ребенка!

— Наверно, вы сбежали, узнав, что она забеременела от вас. Это больше похоже на правду, господин Момои, — возразила хозяйка.

— Ничего подобного!

— Отчего же вы ее бросили?

Гимпэй не ответил. Глядя на младенца, которого хозяйка пансиона держала на коленях, он сказал:

— Я отнесу его обратно. Оставьте его у себя ненадолго, пока я схожу за напарником.

— Что еще за напарник? В каком деле? Смотрите, господин Момои! Надеюсь, вы не собираетесь сбежать, оставив младенца у меня на руках?

— Нет. Просто мне не хочется в одиночку идти возвращать его.

Хозяйка последовала за ним до самой двери, подозрительно глядя ему в спину.

Вскоре он привел Нисимуру — постоянного напарника его веселых походов. Когда они вышли на улицу, младенца держал на руках Гимпэй — справедливо, поскольку он был подброшен его женщиной. Он сунул младенца под пальто, застегнув нижнюю пуговицу. Так нести его было не слишком удобно, и в трамвае малютка, само собой, заголосил, но пассажиры доброжелательно заулыбались, глядя на студента с ребенком. Гимпэй смутился и отогнул воротник пальто, чтобы стала видна головка малютки. Для этого он вынужден был слегка наклониться и невольно поглядел на его личико.

В то время большие пожары, вызванные первой тотальной бомбардировкой Токио, превратили южную часть города в руины. Гимпэй и Нисимура оставили ребенка у черного хода знакомого им дома и бросились наутек. Была середина марта, и на следующий день к вечеру пошел снег. Они надеялись, что младенца до этого времени кто-нибудь подобрал и он не замерз под снегом.

На следующий день Гимпэй зашел к Нисимуре.

— Хорошо, что успели, — сказал он.

— Да, повезло, что до снега, — согласился Нисимура.

Больше никто из этого публичного дома к Гимпэю не приходил. Что случилось с младенцем — ему тоже не было известно.

В последний раз он побывал в этом доме за семь или восемь месяцев до того случая. По-прежнему ли веселые женщины там принимают гостей? Или, может быть, когда он оставил у дверей младенца, их там уже не было? Может, они переехали в другое место? Но даже если там, как и прежде, публичный дом, то живет ли еще в нем его женщина — мать младенца? Не выгнали ли ее оттуда после рождения ребенка? Ведь по их законам она совершила непростительную ошибку. Эти сомнения зародились у Гимпэя уже после того, как его отправили на фронт.

Теперь Гимпэй думал, что младенец стал подкидышем по его вине — именно после того, как он его подбросил.

Нисимура погиб на войне. Гимпэй вернулся с фронта живым и даже приобрел профессию педагога...

Устав бродить среди развалин, где когда-то стоял тот публичный дом, Гимпэй неожиданно для себя услышал собственный голос:

— Эй, как ты посмела совершить такое?

Он, видимо, обращался к проститутке. Это она оставила младенца у порога частного пансиона, где он снимал комнату, но то был не ее и не Гимпэя ребенок. Она взяла его у своей подружки и подкинула. Он поймал ее на месте преступления, а может быть, давно уже следовал за ней по пятам.

— Нисимуры уже нет в живых, и никто теперь не скажет, похожа ли была малютка на меня, — сказал Гимпэй сам себе.

Тот младенец был девочкой, но, как ни странно, пол призрака, преследовавшего Гимпэя, ему трудно было определить. Обычно младенец представлялся ему мертвым, но, когда Гимпэй был в нормальном состоянии, он казался ему живым.

Девчушка однажды больно ударила Гимпэя кулачком по лбу, а когда он склонился над ней, продолжала колотить его по голове... Когда это было? Может, его просто преследовало видение, а в действительности ничего такого не происходило.

Будь его девочка еще жива, она теперь была бы уже взрослой.

Но призрачный ребенок, который следовал под землей за Гимпэем, когда тот шел вечером по дороге у дамбы, был совсем еще малюткой. Причем нельзя было определить, мальчик он или девочка. А раз так, Гимпэй решил: это страшный оборотень без глаз, носа и рта.

— Нет, это девочка, девочка! — возразил он сам себе.

Он помчался на освещенную улицу, остановился у ближайшей лавки и, с трудом

переводя дыхание, попросил:

— Сигарет! Дайте мне сигарет!

К нему вышла женщина с седыми волосами. Хотя она была в преклонном возрасте, ее пол Гимпэй определил сразу и вздохнул с облегчением.

Образ Матиэ теперь от него отдалился, и ему потребовались бы немалые усилия, чтобы представить, будто подобная девушка вообще существует в этом мире.

Он почувствовал освобождение и одновременно душевную опустошенность. Впервые за последние дни перед его глазами всплыла родная деревня. Он вспомнил не отца, которого постигла странная смерть, а свою красавицу мать. И все же уродливая внешность отца оставила в его душе более глубокий след, чем прекрасное лицо матери. Точно так же, как безобразность его ног преследовала его сильнее, чем красота маленьких ножек Яёи.

Срывая красные плоды дикой гумы, росшей на берегу озера, Яёи уколола мизинец о шипы. Высасывая кровь из ранки, она сердито сказала Гимпэю:

— Мог бы и сам нарвать для меня гумы! Тебе легче взобраться на дерево, у тебя ведь обезьяньи ноги — в точности, как у твоего отца. В нашей семье ни у кого таких нет.

В ярости Гимпэй готов был исколоть ноги Яёи шипами, но не посмел; тогда он решил укунить ее за руку и ощерился.

— Смотрите, да у него настоящая обезьянья морда! И-и-и... — Яёи тоже оскалила зубы.

Вне всякого сомнения, это его уродливые, как у дикого зверя, ноги заставили младенца следовать за ним под землей.

Гимпэй даже не удосужился поглядеть на ноги подкидыша, поскольку вовсе не был уверен, что это его ребенок. Презрительно насмехаясь над собой, он думал: если бы я поглядел и убедился, что ноги младенца похожи на мои собственные, тогда бы я точно знал: ребенок мой! Да, но разве не у всех младенцев, которые еще не ступали по этой земле, прекрасные, нежные ножки? Именно такие ножки у херувимов, которые витают вокруг Христа на картинках западных мастеров. У всех ноги становятся такими, как у Гимпэя, потом, когда они исходят болота, скалы и колючие леса этого мира.

— А если младенец — призрак, у него и вовсе не должно быть ног, — пробормотал Гимпэй.

У призраков нет ног... Кто впервые создал такое представление о призраках? — удивился Гимпэй и подумал: наверное, в давние времена многие люди все воспринимали так же, как он.

Гимпэю почудилось, будто его собственные ноги перестали ступать по этой земле.

Он брел по освещенной улице, протянув ладонь кверху и согнув ее лодочкой, словно ожидал подарка с небес.

Внезапно ему пришла в голову мысль, что самые красивые в мире горы — не поросшие зелеными лесами вершины, а горы, покрытые вулканическим пеплом и голыми скалами. На заре и закате солнце окрашивает их в немыслимые тона: розовые, пурпурные, фиолетовые — во всю палитру цветов, какими бывает окрашено небо в пору утренней зари и в пору заката. Раздумывая над этим, Гимпэй решил вырвать из своего сердца все, что напоминало ему о Матиэ...

«Я приду к вам, если даже вы будете скрываться в подземных тоннелях станции Уэно...». Он вспомнил слова Хисако, предвещавшие то ли возобновление их любви, то ли разлуку, и решил отправиться в Уэно посмотреть, как выглядят теперь эти тоннели.

В тоннелях царили тишина и запустение. Там поселились бродяги. Скорчившись, они тихо лежали вдоль стен. Многие спали, подложив под головы мусорные корзины и постелив на пол мешки из-под угля или старые циновки. Некоторые прижимали к себе узлы с немудреным скарбом. В общем, обыкновенные бродяги, каких он немало встречал в прошлом.

Можно позавидовать бродягам, которые так рано ложатся спать, подумал Гимпэй. Он заметил безмятежно спавшую молодую супружескую пару: жена положила голову на колени мужа, а тот дремал, склонившись над ней. С таким удобством не устроишься и в вагоне поезда. Они были словно единое целое и напомнили Гимпэю двух птиц, спящих тесно прижавшись

друг к дружке. Глядя на них, Гимпэй подумал, что не так уж часто можно встретить молодую супружескую пару в таком месте.

К влажному воздуху подземелья примешивался запах дареных кур и одэн⁵. Гимпэй проскользнул под короткую занавеску и оказался в бетонной яме, где была харчевня. Он выпил несколько стаканчиков самогона. Снаружи за занавеской, не доходившей до пола, он увидел на уровне глаз цветастую юбку. Гимпэй приподнял занавеску — там стоял гомосексуалист.

Их взгляды встретились, но тот не произнес ни слова, только многозначительно подмигнул. Никакой радости подобная встреча не сулила, и Гимпэй сбежал.

Он заглянул в зал ожидания. Здесь тоже царил запах бродяжничества. У входа стоял железнодорожный служащий.

— Предъявите ваш билет на поезд, — сказал он.

Гимпэй удивился: неужели теперь надо предъявлять билет, чтобы пройти в зал ожидания? У станционного здания собрались странного вида люди — одни стояли, прислонившись к стене, другие сидели на корточках. Должно быть, тоже бродяги.

Раздумывая о двойственной натуре гомосексуалистов, Гимпэй покинул вокзал и свернул в боковую улочку. Он обратил внимание на шедшую ему навстречу женщину, одежда которой смахивала скорее на мужскую: на ней были резиновые сапоги, выцветшие черные шаровары и застиранная белая блуза. Он мельком взглянул на ее плоскую грудь и опаленное солнцем темное лицо без признаков косметики. Проходя мимо, женщина многозначительно поглядела на него, потом остановилась и пошла за ним следом. Гимпэй сам не раз преследовал женщин, и опыт подсказывал ему, что она идет сзади, хотя он ее и не видел. Он никак не мог понять, что понадобилось от него этой женщине.

Ему вспомнилась проститутка, которая подошла к нему в веселом квартале, когда он убегал от Хисако. Она тогда сказала, что специально не шла за ним. Но женщина в грязных резиновых сапогах не походила на проститутку. Грязь на ее сапогах не была влажной. Похоже, она налипла на сапоги много дней назад, и та не удосужилась их даже почистить. Сапоги были старые, резина на них стала белесой. Что это за женщина, которая в сухую погоду бродит близ Уэно в резиновых сапогах? — с удивлением думал Гимпэй. Может, она ненормальная? Или у нее уродливые ноги? Ну да, поэтому она и носит длинные шаровары.

Гимпэй подумал о своих уродливых ногах, представил не менее уродливые ноги следовавшей за ним женщины и мгновенно остановился, намереваясь пропустить ее вперед. Но она тоже остановилась. Их вопрошающие взгляды встретились.

— Что вам от меня нужно? — Женщина спросила первой.

— Об этом я хочу узнать у тебя. Разве не ты пошла за мною следом?

— Вы подмигнули мне.

— Ошибаешься, подмигнула мне ты, — возразил Гимпэй и в то же время подумал: когда они встретились, она могла воспринять его взгляд, как некий знак; но нет — именно она поглядела на него многозначительно!

— Просто мне показалось, что для женщины ты одета несколько странно — вот я и поглядел на тебя.

— А что странного в моей одежде?

— Ты всегда идешь вслед за мужчиной, стоит ему на тебя поглядеть?

— Нет, просто вы меня заинтересовали.

— Что ты задумала?

— Ничего.

— Должна же у тебя быть какая-то цель, раз ты преследуешь меня?

— Я вовсе не преследую... Просто пошла за вами — и все!

— Ясно.

⁵ Одэн — блюдо из вареного соевого творога, сладкого картофеля и специй.

Гимпэй вновь поглядел на женщину. Ненакрашенные губы нездорового серого цвета; во рту, когда она говорит, поблескивает золотая коронка; на вид, пожалуй, лет около сорока; взгляд узких глаз — настороженный и сухой, как у мужчины; в зрачках затаились хитрость и коварство; один глаз чуть меньше, кожа на лице загрубела от солнца.

Внезапное беспокойство охватило Гимпэя.

— Давай прогуляемся, — предложил он и прикоснулся к ее груди, чтобы удостовериться. Да, перед ним, безусловно, женщина.

— Что вы делаете? — возмутилась она и схватила его за руку. Ее ладонь оказалась неожиданно мягкой.

Впервые в жизни Гимпэй пытался таким образом выяснить, женщина ли перед ним. Собственно, ему и так это было ясно, но, когда он, коснувшись рукой ее груди, окончательно удостоверился, ему это принесло странное успокоение. Он ощутил даже некую симпатию к этой женщине.

— Пройдемся еще немного, — предложил он.

— Зачем?

— Может, набредем на уютную харчевню.

Раздумывая, где можно отыскать подходящее место, чтобы посидеть с этой странно одетой женщиной, он свернул с боковой улицы на более широкую и хорошо освещенную и толкнул дверь харчевни, где подавали одэн. Женщина последовала за ним. Вокруг плиты, на которой в котле варился одэн, буквой «П» протянулся общий стол со скамьями. Были и отдельные столики. За общим столом сидело много посетителей, и Гимпэй выбрал отдельный столик поближе к выходу.

— Что будешь пить, сакэ или пиво? — спросил он.

Гимпэй не ощущал никакого влечения к этой мужеподобной женщине, но, убедившись, что ее присутствие ему ничем не грозит, он почувствовал облегчение и даже предоставил ей самой выбирать: сакэ или пиво.

— Сакэ, — ответила женщина.

Помимо, одэн здесь готовили и другую незатейливую снедь, о чем свидетельствовали висевшие на стене листы бумаги с названиями блюд. Гимпэй опять предложил ей выбрать еду по своему вкусу. Она заказала себе слишком много, и это вызвало у Гимпэя подозрение, что она — женщина сомнительного поведения. Но он решил не высказывать свои мысли вслух. Женщина же с некоторой опаской поглядывала на Гимпэя и, по-видимому, еще не решила, стоит ли приглашать его к себе. А может, она последовала за ним, почувствовав родственную душу.

— Странная жизнь, не так ли? Днем не знаешь, что может случиться вечером. Вот мы сейчас выпиваем вместе, хотя я не знаю, кто ты, и никогда с тобой не встречался.

— Это верно, я тоже вас вижу впервые, — безразлично отозвалась женщина после того, как опрокинула стаканчик сакэ.

— Мы с тобой выпьем, и день на этом закончится.

— Закончится.

— Ты отсюда домой?

— Да, ребенок там остался один. Он меня дожидается.

— У тебя есть ребенок?

Женщина выпивала один стаканчик за другим. Гимпэй же не столько пил, сколько наблюдал за ней.

Трудно было поверить: в один и тот же вечер он любовался девушкой у водоема, где ловили светлячков, затем его преследовал у дамбы призрак младенца, и вот теперь он выпивает в харчевне с первой встречной. Наверно, Гимпэя привлекла ее отталкивающая внешность. То, что он увидел Матиэ у водоема, походило на чудо. Реальностью же была эта уродина, сидевшая рядом с ним в дешевой харчевне. Чем безобразней она, тем лучше. Тем определенной надежда узреть ангельский лик Матиэ.

— Почему ты ходишь в резиновых сапогах?

— Подумала, что будет дождь, когда выходила из дома.

Ответ вполне резонный.

Гимпэю вдруг захотелось поглядеть на ее ноги. Если они уродливы, значит, он отыскал подходящую партнершу.

Чем больше она пила, тем безобразней становилась. Меньший ее глаз стал еще меньше и превратился в узенькую щелочку. Заметно покачиваясь, она время от времени многозначительно поглядывала на Гимпэя. Он обнял ее за плечи. Женщина не противилась. Ему показалось, будто он обхватил мешок с костями.

— Почему ты такая худюшая?

— А что поделаешь? Ведь мне одной приходится растить ребенка.

Из ее сбивчивого рассказа Гимпэй узнал, что она живет с тринадцатилетней дочерью в одной комнате, которую снимает где-то на задворках, и что девочка ходит в школу. Муж погиб на войне. Может, она кое в чем и привирала, но в то, что у нее на самом деле есть дочь, Гимпэй поверил.

— Я провожу тебя до дома, — сказал он.

Женщина вначале согласно кивнула, но, подумав, сказала:

— Нет, домой нельзя. Там девочка.

Они сидели рядом, лицом к повару.

Она неожиданно повернулась к Гимпэю и кокетливо прижалась к его плечу. По всей видимости, она была готова ему отдаться. Гимпэй ощутил такую тоску, словно настал конец света. С чего бы ему так тосковать? — раздумывал он. Наверно, все потому, что в тот вечер он видел Матиэ.

Ему претила вульгарность, с какой эта женщина выпивала. Но всякий раз, заказывая новую бутылочку сакэ, она вопрошающе глядела на Гимпэя, чтобы выяснить, как он к этому относится.

— Выпей еще одну, — в конце концов соглашался Гимпэй.

— Боюсь, не устою на ногах. Ничего? — Она положила руку ему на колено. — Тогда последнюю. Скажите, чтобы гадили в большую чашку.

Сакэ потекло у нее по подбородку и пролилось на стол.

Ее темное, обветренное лицо стало пурпурным.

Они вышли из харчевни, и женщина буквально повисла у него на руке. Гимпэй ухватил ее за кисть. Кожа на руке была на удивление гладкой.

Когда они проходили мимо девушки, продававшей цветы, женщина попросила:

— Купите цветов, пожалуйста. Я хочу отнести их моей девочке.

Но она оставила букетик в темном переулке у продавца китайской лапши, сказав:

— Папаша, сохрани. Я скоро вернусь за ними.

Женщина уже едва держалась на ногах.

— Сколько лет я не нюхала мужчину... А что делать-то? Не остановишь же человека на улице и не скажешь: пойдём со мной!

— Верно, тут уж ничего не поделаешь, — неохотно согласился Гимпэй. Он ненавидел себя за то, что продолжал тащиться по улице с этой, женщиной, но ему все еще хотелось посмотреть, как выглядят ее ноги. Правда, ему казалось теперь, будто он видит их сквозь резиновые сапоги: уродливые пальцы, хотя и не совсем такие, как у него, толстая, коричневая кожа на ступнях... Его чуть не стошнило, когда он представил ее обнаженные ноги рядом со своими.

Он предоставил женщине выбирать дорогу. Свернув в переулок, они оказались перед небольшим храмом, посвященным Инари⁶. Рядом виднелся дешевый отель, где можно было снять комнату на ночь. Она остановилась в нерешительности. Гимпэй высвободил руку, и женщина тут же упала на дорогу.

⁶ Инари — синтоистское божество, покровитель урожая.

— Если тебя дожидается ребенок, отправляйся поскорее домой, — сказал он и пошел прочь.

— Идиот! Идиот! — завопила она и, нашарив горсть мелких камней, лежавших перед храмом, стала кидать в него. Один камень попал ему в лодыжку.

— Ой! — вскрикнул Гимпэй, сморщившись от боли.

Волоча ушибленную ногу, он плелся по улице и чувствовал себя таким несчастным... И отчего он не вернулся домой сразу после того, как прицепил клетку со светлячками к поясу Матизэ?.. Добравшись до своего жилища, Гимпэй снял ботинки и стянул с ног носки. Лодыжка, в которую попал камень, слегка покраснела.

СЛОВАРЬ ЯПОНСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Варадзи — соломенные сандалии.

Тэта — японская национальная обувь в виде деревянной дощечки на двух поперечных подставках.

Дзабутон — плоская подушечка для сидения на полу.

Дзё — мера длины, равная 3,8 м.

Дзори — сандалии из соломы или бамбука.

Какэмоно — картина или каллиграфическая надпись, выполненная на полосе шелка или бумаги.

Касури — хлопчатобумажная ткань.

Кимоно — японская национальная одежда.

Котацу — прямоугольная жаровня, вделанная в углубление в полу и накрываемая одеялом.

Кэн — мера длины, равная 1,8 м.

Мидзуя — комната для мытья чайной утвари в чайном павильоне.

Оби — длинный широкий пояс на женском кимоно.

Ри — мера длины, равная 3,9 км.

Сакэ — японская рисовая водка.

Сёдзи — раздвижная стена в японском доме.

Сун — мера длины, равная 3 см.

Сэн — мелкая денежная единица, сотая часть иены.

Сяку — мера длины, равная 30,3 см.

Сямисэн — трехструнный щипковый инструмент.

Таби — японские носки с отделением для большого пальца.

Тан — мера длины, равная 10,6 м.

Танка — японское пятистишие.

Татами — плетеные циновки стандартного размера (примерно 1,5 кв. м), которыми застилаются полы в японском доме; числом татами определяется площадь жилых помещений.

Те — мера длины, равная примерно 110 м.

Токонома — ниша в японском доме, обычно украшаемая картиной или свитком с каллиграфической надписью, вазой с цветами.

Фурисодэ — кимоно с длинными рукавами.

Фуросики — квадратный платок, в котором носят мелкие вещи, книги и т. п.

Фусума — раздвижные деревянные рамы, оклеенные с обеих сторон плотной бумагой. Служат внутренними перегородками в японском доме.

Хайку (хокку) — японское трехстишие.

Хакама — широкие штаны, сложенные у пояса в глубокие складки.

Хаори — накидка, принадлежность парадного (мужского и женского) костюма.

Хибати — жаровня: деревянный, металлический или фарфоровый сосуд с золой, поверх которой укладывается горящий древесный уголь.

Юката — ночное кимоно.